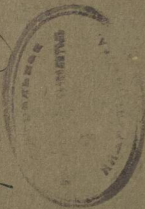

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

2653(2)
20-р

7

А П Р Е Л Ь

1 9 2 7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ.—Под знаком рационализации	3
М. РЫЛЬСКИЙ (РОССОССКИЙ).—Роль плана в советском хозяйстве	7
ПЕТЕРМЕЙЕР.—Борьба за молодежь в Америке	22
Л. КОЛЕСНИКОВ.—Генрих Б-н обвиняет	30
ВИНОКУРОВ.—Труд молодежи в Китае	37
А. АРШАРУНИ.—Борьба за идеологию и Советский Восток	42
Е. ФАЙНБЕРГ.—Борьба за конкретное руководство и комсомольский актив	50

Дискуссионный отдел

С. ШОР.—Лучше меньше, да лучше	58
--	----

Критика и библиография

ИНПОЛИТ.—Новый труд и новый быт	67
Н. НИКОЛАЕВ.—В. Ермаков—«Против мещанства и упадочничества»	70
Р. НИКОЛАЕВ.—В. Шатов—«Хулиганы и хулиганство». Я. Бугайский—«Хулиганство, как патологическое явление». 71	71

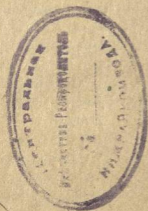
№ 18735

Выходит с 1918 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
Ц К В Л К С М

АПРЕЛЬ

№ 7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1927

Ac. p. 1253(2)

Тип. «ЭМЕС»,
Покровка, 9. Тел. 2-72-14.
Главлит № 85627
Тираж 5000

Под знаком рационализации

Недавно закончилась V всесоюзная конференция ВЛКСМ.

Год, который отделял ее от последнего съезда союза, был исключительно важным, переломным годом в истории комсомола.

После XIV съезда партии и VII съезда ВЛКСМ стало уже недостаточным *говорить* о «комсомольских ножницах», о запросах и потребностях молодежи, о формах и методах работы союза. Нужно было начать *смыкать* эти ножницы, находить новые, конкретные формы работы.

И вот, мало-по-малу, не сразу, постепенно, слова об оживлении работы комсомола начали воплощаться в жирную действительность, в живые факты, примеры, достижения.

Сначала — гармонь, потом — производственные конкурсы, совещания домохозяев, вечерние школы рабочей молодежи, бытовые ядра.

Сначала — отдельные, робкие попытки отдельных организаций, потом уже опыт новой работы, выросший в более или менее стройную внушительную пирамиду.

Вот почему закончившаяся конференция и по месту, которое она занимает в юношеском движении, и по кругу вопросов, которые она разрешила, и по моменту, в который она происходила, — приобретает такое же значение, как и съезд союза.

Такое важное значение конференция получает особенно потому, что она происходила в обстановке колоссальной строительной работы, которая развернулась в стране.

Чтобы победить капитализм надо быть сильнее его. Чтобы быть сильнее его — нужна не только диктатура пролетариата, не только партия и советы, но и такая организация производства, такая техника, которая оставила бы далеко позади себя технику капиталистическую. Надо обогнать, капиталистическое хозяйство. Это налагает ряд ответственных задач на нашу госпромышленность, являющуюся фундаментом социалистической экономики.

Прежде всего это ставит промышленность перед задачей постоянного, неуклонного, систематического снижения себестоимости, т.е. снижения отпускных цен на товары, так как в противном случае промышленность обречена на гибель, так как в противном случае она ударит по союзу рабочего класса с крестьянством, так

как в противном случае она потеряет самого главного своего потребителя—внутренний рынок.

С другой стороны — снижение себестоимости требует более высокой техники, более высокой организации труда и производства. Такова «цепь» экономического хозяйственного строительства страны.

Вот почему в качестве одного из «решающих вопросов современности» встает вопрос о социалистической рационализации.

Кое-что в этой области уже сделано. Несколько поднялась производительность труда, несколько упростилось управление хозяйством, несколько снизилась себестоимость. Все это, однако,—только «несколько». Социалистическая рационализация производства невозможна, немыслима без самого сознательного отношения к ней, самого активного проведения ее со стороны рабочего класса и без некоторых временных жертв, которые уже в ближайшие годы с лихвой окупятся.

ЦК партии отметил наличие избытка рабочей силы в некоторых отраслях производства. При неумелом использовании этой силы плюс при из рук вон скверном учете и распределении ее, этот излишек способен только задерживать рационализацию производства, помешать ей, так как рационализация предполагает правильную организацию производственной дисциплины, нормирования труда и т. д.

Не даром поэтому в своем последнем постановлении по вопросам рационализации производства ЦК ВКП(б) в качестве одной из мер успешного проведения рационализаторской работы указал на необходимость некоторых перемещений в рядах рабочего класса, разумеется, в тех случаях, когда это диктуется действительной необходимостью улучшения техники и производства.

Не даром тов. Сталин в своей речи на конференции указал на неизбежность некоторых «жертв».

«Говорят,—сказал он,—что рационализация требует некоторых временных жертв со стороны некоторых групп рабочих, в том числе и молодежи. Это верно, товарищи. История нашей революции говорит, что ни один крупный шаг не обходился у нас без некоторых жертв со стороны отдельных групп рабочего класса и в интересах всего класса рабочих нашей страны. Взять хотя бы гражданскую войну, хотя нынешние незначительные жертвы не идут ни в какое сравнение с теми серьезными жертвами, которые имели место у нас в период гражданской войны. Вы видите, что те жертвы уже окупаются у нас с лихвой. Едва ли нужно доказывать, что нынешние незначительные жертвы окупятся в ближайшем будущем с избытком. Вот почему я думаю, что мы не должны останавливаться перед некоторыми незначительными жертвами в интересах рабочего класса в целом».

Мы привыкли воспитываться и воспитывать рабочую молодежь в духе сочетания своих личных и групповых интересов с интересами всего класса, всего общества, всего социалистического строительства. Мы никогда не противопоставляли эти интересы. Наоборот, мы подчиняли их друг другу. Именно с такой точки зрения—подчинения своих личных, групповых задач задачам всего класса—следует рассматривать те некоторые временные жертвы, которых требует и еще потребует социалистическая рационализация от молодежи.

В отмеченном уже постановлении ЦК по вопросам рационализации производства дана директива Наркомтруда и ВСНХ—пересмотреть действующие сейчас нормы брони подростков, с тем, чтобы приспособить бронь к фактическим потребностям промышленности. В связи с этим ЦК предложил исчислять процент брони не по отношению ко всем рабочим, а по отношению только к квалифицированным рабочим. Новые нормы брони должны быть выдвинуты к началу нового хозяйственного года, т.-е. к 1-му октября 1927 г.

Нужно развернуть немалую подготовительную работу, нужно сделать так, чтобы новые, уменьшенные нормы брони подростков целиком соответствовали задачам рационализации, фактическим потребностям промышленности и одновременно помогли бы охватить полностью обучением подростков, находящихся в брони.

И здесь в тесной связи встает вопрос о фабзавуче. Рационализация, как известно, предполагает некоторую нивелировку (уравнение) профессии, уничтожение особенной разницы в квалификации. Это связывает фабзавуч особыми задачами приспособления к требованиям рационализированной промышленности. В связи с этим некоторые товарищи ставят вопрос так, что ФЗУ выполнил уже свою роль массовой школы рабочей молодежи, что сейчас школа ФЗУ уже не может быть основной формой социалистической организации труда молодежи. Эти товарищи, по сути дела, повторяют давно отбитые атаки на фабзавуч. Основной принцип социалистической организации юношеского труда—обучение—не может быть нарушен, не может быть подменен узколобным хозрасчетом сегодняшнего дня.

Вообще надо сказать, что по вопросу рационализации производства уже намечаются две ошибки, два уклона.

С одной стороны — консервативное, бюрократическое, формалистское отношение к вопросу. Это наиболее опасный уклон, требующий напряженного внимания и борьбы со стороны всего рабочего класса, партии и комсомола.

Но есть и другой возможный уклон, правда, в настоящее время менее опасный, но все-таки уклон, и все-таки опасный. Некоторые хозяйственники подходят к вопросу рационализации слишком односторонне, узко и ограничено. Вместо того, чтобы взяться за коренную радикальную перестройку производства, переделку его на более

расширенной технической основе, они идут по линии наименьшего сопротивления, по линии излишнего нажима на рабочих, выезжают на них.

С таким «расширительным толкованием мероприятий» по рационализации производства следует также бороться.

В то время, как капиталистическая рационализация условия для организации юношеского труда делает все более тяжелыми, превращая молодого рабочего в слепой, безликий, бездушный придаток машины, рационализация социалистическая расширяет эти условия, улучшает их. Чем выше будет наша техника и производство, тем политически культурно и технически выше будет уровень рабочей молодежи—«сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство».

Обучить рабочего «чему-нибудь и как-нибудь», лишь бы стало дешево,—этот подход ничего общего с социалистической рационализацией не имеет. Это есть чистейший, типичнейший фордизм.

В своих постановлениях конференция отметила всю важность и необходимость разъяснения широким массам комсомольцев и рабочей молодежи рационализаторской работы, вовлечения их в эту работу, борьбы с консервативным отношением к рационализации, недооценкой ее, совместной работы с профсоюзами, поддержки специалистов, поощрения изобретательства и т. д.

Вместе с тем конференция отметила, что вся работа комсомола, все его участие в социалистической рационализации должно проводиться в полном сочетании со всей работой комсомола по организации образования рабочей молодежи, защите ее экономических интересов.

Участие комсомола в рационализаторской работе должно быть приспособлено к задачам промышленности и направлено к школе ФЗУ, к борьбе с безработицей, к обеспечению дальнейшего подъема жизненного уровня рабочей молодежи.

Нечего и говорить, что участие комсомола в рационализаторской работе не будет успешным, если одновременно комсомол не откроет огонь по внутренним врагам справа и слева, которые способны только помешать в нашем продвижении вперед.

И здесь в первую очередь встает вопрос о *борьбе с бюрократизмом*—вопрос, который занимал громадное внимание конференции. Без борьбы с формализмом, чиновничеством, казенщиной, мы не сдвинем с места нашей строительной работы. Вот почему борьба с этим злом на фабриках, заводах и особенно в советских заведениях должна быть поставлена во главу угла работы нашего союза.

Трудности и некоторые жертвы, связанные с рационализацией производства, несомненно в еще большей мере дадут пищу для упадочных настроений. Кое-кто не преминет этим воспользоваться. В последнее время попытки такой упадочной обработки молодежи имели место при благосклонном и любезном участии оппозиции.

Комсомол должен пойти в решительный поход против упадочничества путем правильной и более гибкой организации *политического образования* и массовой культурно-просветительной работы, которые попрежнему должны быть увязаны и стоять на первом плане комсомольской работы.

Наконец, успех работы комсомола требует выдвижения все новых и новых кадров актива, его особенно высокой квалификации, приспособления к текущим запросам и потребностям молодежи. Эти вопросы заняли главное внимание конференции, и над практическим разрешением их должна сейчас упорно биться творческая мысль союза.

Роль плана в советском хозяйстве

1. Значение элементов плановости и стихийности в буржуазных странах и в СССР

План есть сознательное целеустремленное регулирование в противоположность стихийному началу, являющемуся результатом действия слепых, от воли людей не зависящих, законов. Рассмотрим, прежде всего, какую роль играют элементы плановости и стихийности в хозяйстве капиталистических стран и какую роль они играют в СССР. Известно, что в капиталистических странах господствует анархия производства. Хозяйство отдельной капиталистической страны, а также мировое хозяйство в целом ведется без определенного общего плана. Основным принципом, которым руководствуются капиталисты в своей хозяйственной деятельности, является бешеная погоня за прибылью, конкуренция с другими капиталистами. Капиталист может побить конкурента более дешевым товаром; а получить даже большую прибыль при дешевых ценах возможно лишь при условии превосходства техники и увеличения массы вырабатываемой продукции, рационализации производства и т. д. Отсюда — стремление капиталистов сделать производство наиболее массовым, выбрасывать на рынок горы товаров без должного учета покупательной способности населения. Капиталистическое хозяйство все же имеет свой регулятор, правда, стихийный регулятор, в виде закона ценности, осуществляющего свое действие через рынок. Происходит это регулирование следующим образом: допустим, капиталисты выбросили на рынок слишком много товара; тогда предложение значительно превысит спрос, цены падут, падет и норма прибыли в этой отрасли промышленности; тогда капиталисты из этой отрасли будут перекочевывать в другие, где имеется более высокая норма прибыли, до тех пор, пока во всех отраслях не установится одинаковая средняя норма прибыли и не установится известное равновесие всех отраслей хозяйства. Таким образом, закон ценностей — через посредство рынка, цены и тенденции нормы прибыли к уравниванию — стихийно проводит распределение производительных сил капитализма (через перелив капиталов).

Рынок является единственным путеводителем капиталистического хозяйства, показывающим, какие отрасли производства надо сокращать, какие — расширять и т. д. Без такого путеводителя капиталистическое хозяйство осталось бы совсем «без руля и ветрил», и существование его было бы невозможно.

Однако, подобного рода стихийное регулирование является далеко несовершенным, ибо оно является регулированием *post factum*, во-первых, и весьма болезненным; во-вторых: оно не предвидит заранее и не предупреждает кризисов, а только лишь вытаскивает (да и то лишь на известный период) с мучительными

жертвами капитализм из этих кризисов. В самом деле, анархичность, отсутствие плана в капиталистических странах приводит к кризису перепроизводства; выход из кризиса достигается лишь путем ряда крупных хозяйственных потрясений: лопается ряд предприятий, захваченных перепроизводством, это ударяет по банкам, субсидировавшим эти предприятия, рабочие выбрасываются на улицу и т. д. Таким жестким путем рынок приводит производство в соответствии с покупательной способностью населения. Часть капиталов переключивается из потерпевших кризис отраслей в другие отрасли, и равновесие столь дорогим путем восстанавливается до... нового кризиса. Так как отрасли хозяйства между собой тесно связаны, то часто кризис в важнейших отраслях создает также всеобщий кризис капиталистического хозяйства всей страны (а иногда и ряда стран). Кризисы являются дорогой платой капиталистического хозяйства за бесплановость. Кризисы появляются периодически с известной закономерностью, при чем (поскольку капитализм переживает сейчас империалистическую фазу загнивания и идет по нисходящей линии) чем дальше, тем более короткими становятся промежутки между кризисами и тем более потрясающими становятся сами кризисы. Отсутствие плана в мировом масштабе и свирепая конкуренция капиталистических держав между собой приводят к неслыханно-разрушительным империалистическим войнам, усугубляющим растройство капиталистического хозяйства. Из того факта, что капиталистическое хозяйство является в основном и целом анархичным, бесплановым, отнюдь, однако, не следует, что в нем совершенно отсутствуют всякие элементы плановости. В рамках отдельных предприятий есть план; есть также в известном смысле план в рамках монопольных капиталистических объединений ряда предприятий (трестах, синдикатах, картелях, концернах); но дальше план исчезает: в рамках *всей* капиталистической страны и *всего* мирового хозяйства *план отсутствует*. Почему же на практике невозможно установление плановости целой капиталистической страны или даже всего мирового хозяйства? Ведь имеются же интернациональные капиталистические монополии, объединяющие капиталистов разных стран и владеющие средствами производства по всему земному шару; почему же не может быть создан единый мировой государственно-капиталистический трест, который устранил бы всякую конкуренцию и работал бы полностью по плану? Короче говоря, почему невозможна ультра-империалистическая теория Каутского, считающая империализм не неизбежной фазой капитализма, а лишь болезненным нарывом, теория, считающая, что капитализм еще может залечить свои раны и пойти по восходящей линии развития, по пути плановости и т. д. В отдельных капиталистических странах имеются *элементы государственного капитализма*, т. е. ряд предприятий и, в первую голову, военная госпромышленность принадлежат государству; эта госпромышленность действительно *руководится государством*; но зато вся остальная *подавляющая* часть предприятий находится в *частных* руках отдельных капиталистов (или монополий) и потому планироваться государством *не может*. Непреодолимым препятствием к установлению плана капиталистического хозяйства целой страны является, таким образом, *частная собственность* на средства производства. Что же касается возможности установления мирового всеобщего треста капиталистического и ликвидации анархии производства

то Гильфердинг на это отвечает: «Он был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое состояние является делом неосуществимым, так как антагонизм интересов, доведенный им до крайних пределов, неизбежно привел бы его к крушению». Социально-политические причины не могут допустить даже образования подобного треста. Причины эти следующие: условием для соглашения является приблизительное равенство позиций капиталистов разных стран на мировом рынке; на деле же этого нет и быть не может, ибо закон неравномерного развития при империализме выпирает одни страны вперед, другие тащит назад. Передовой стране (например Америке) нет смысла получать равную долю в мировом тресте, если она самостоятельно может добиться больше; то. Во-вторых, если даже допустить экономическое равенство стран, то те из них, которые обладают большей военной силой, имеют преимущество и посему им невыгодно вступать в подобный союз. В-третьих, капитал имеет тенденцию замыкаться в национальных границах, ибо «выгоды, которые получает «национальная» группа буржуазии от продолжения борьбы, суть гораздо большая величина, чем убытки от потерь, с ним связанных» (Бухарин). В-четвертых, нельзя допустить и такой мысли, что централизация будет происходить путем пожирания одних государственно-капиталистических трестов другими до тех пор, пока не воцарится единый мировой государственный капиталистический трест, ибо это пожирание неизбежно связано с громадными военными катастрофами, с одной стороны, и колониальным движением, с другой стороны, что должно неизбежно привести к краху капитализма. Отсюда вывод: сама *природа* капиталистического строя, основанного на принципе *частной собственности* и противоречиях между самими капиталистами, делает *невозможным* всеобщий план, отсутствие же такого плана—анархия производства—в свою очередь еще больше усугубляет противоречия капитализма и делает его гибель неизбежным. Не следует переоценивать значение тех островков плановости, какие окружены бушующей стихией анархии капиталистического хозяйства. Правда, плановые моменты монополистического капитализма производят некоторое искажение действия закона ценности, вводя иное распределение производительных сил, чем оно было бы при свободной конкуренции. Но не следует забывать, что между монополистическими объединениями конкуренция остается и конкуренция более ожесточенная. В общем и целом в капиталистическом хозяйстве анархия господствует и подчиняет себе элементы плановости. Монополии, выросшие на базе стихийности, вырастают в эту самую стихийность.

Посмотрим теперь, какое значение имеют элементы плановости и стихийности в СССР и каково их соотношение.

В период военного коммунизма капиталистические стихийные элементы (рынок и т. д.) были формально упразднены, хотя они подпольно частично действовали. Пролетарское государство пыталось охватить планированием *все* народное хозяйство. Планирование это забежало вперед, оторвавшись от базы крестьянского хозяйства. С переходом к нэпу, когда был дан выход рыночным отношениям, со всеми вытекающими отсюда последствиями, вопрос о государственном плане не только не отпал, но, наоборот, выдвинулся тов. Лениным *особенно остро*, как *противоядие* против «стихийных элементов и как средство *укрепления* социалистических элементов нашей страны. Борьба социалистических начал в

нашей стране с капиталистическими принимает характер борьбы плана со стихией. Базой для непосредственного применения планового руководства являются командные высоты (промышленность, транспорт, монополия внешней торговли, кредит); планирование распространяется также в известных пределах и на кооперацию. На ряду с *обобществленным* сектором нашего хозяйства, мы имеем сектор *частного* хозяйства, главным образом, в виде 22 милл. распыленных крестьянских хозяйств. Этот сектор является *источником* мелкобуржуазной стихии, *отсюда* идут ростки капитализма. Мы имеем частнохозяйственный капитализм, пытающийся заключить смычку с крестьянством для борьбы с плановым началом. Мы имеем государственный капитализм (специфического типа, ибо предприятия принадлежат не буржуазии, а господствующему пролетариату): концессии, аренды, капиталисты в качестве агентов государства и т. д. Поскольку, по заявлению Ленина, между госкапитализмом и социализмом никаких больше промежуточных ступеней нет, поскольку это крупное производство, поскольку госкапитализм является шагом вперед против распыленного крестьянского и мелкого частного хозяйства, постольку он может явиться *союзником* планового хозяйства в борьбе с мелкобуржуазной стихией. В чем же заключаются особенности и *отличия* плановых элементов *нашего* хозяйства от капиталистического? Заключаются они в следующем: капиталистические тресты между собой *конкурируют* ожесточенно и порой весьма нездоровыми методами; советские же тресты работают по общему плану, деятельность их *увязана*, нездоровая конкуренция заменена здоровым соревнованием. В капиталистическом хозяйстве мы имеем *изолированные*, беспомощно барахтающиеся в море анархии, частицы плановости; в советском же — *сплоченную*, *увязанную* цепь *обобществленного*, работающего по плану сектора хозяйства, где об анархии производства нет речи. Поскольку элементы плановости сильнее в СССР, чем в буржуазных странах, постольку они больше влияют на распределение производительных сил, больше ограничивают действие закона ценности. Не будь у нас планового хозяйства, экономика СССР имела бы совершенно иной вид и крупное производство находилось бы под риском затопления мелкобуржуазной стихией. В то время, как кризисы представляют неизбежное и частое явление капиталистического хозяйства и силу анархии производства в СССР, в силу большего значения планового регулирования, они могут быть значительно смягчены и имеют место гораздо реже. Цели *капиталистических* монополий — *выгнать побольше прибыли*; цели *нашего* планирования — *перестроить* все наше хозяйство на *социалистические* рельсы, создать базу социализма в СССР. Если пролетарское государство непосредственно планирует обобществленным сектором хозяйства, то по отношению к распыленному крестьянскому хозяйству оно осуществляет плановое воздействие косвенным путем через командные высоты: кооперацию, электрификацию, машиноснабжение и т. д., чтобы постепенно перевести село на плановость и социалистические рельсы.

Стопроцентная плановость всего народного хозяйства—это и есть социализм.

Отмечая гораздо большую роль плановости в СССР, чем в буржуазных странах, расширение из года в год плановых позиций за счет сужения поля деятельности стихии, мы тем не менее не

должны *переоценивать* удельного веса плановых элементов в нашей стране, чтобы не оказаться безоружным в борьбе со стихийностью. Надо иметь в виду, что наши командные высоты окружены морем индивидуальных крестьянских хозяйств, с которыми они связаны через рыночные отношения. Поэтому не должно быть изолированного от крестьянского хозяйства планирования внутри только наших командных высот, а планирование должно ориентироваться на *увязку* этих высот с крестьянским хозяйством. И тут-то планирование даже в обобществленном секторе хозяйства не может игнорировать рыночных отношений, не может строиться без учета условий рынка. Рынок пока еще сильно влияет на наши планы и поэтому говорить сейчас об *уничтожении* действия закона ценности в СССР еще преждевременно. Следует говорить лишь о *постепенном сужении* этого закона под напором роста плановости нашего хозяйства. Задача планового хозяйства — укрепить свои позиции на основе рынка, чтобы в конце концов победить самую рыночную стихию и дать крестьянскому хозяйству направление по социалистическому, а не капиталистическому пути.

II. Споры в партии по вопросу о плане

Прежде, чем перейти конкретно к сути разногласий в партии по вопросу о плане, необходимо выяснить, какие должны быть *основные линии планирования* в пролетарском государстве с подавляющей массой крестьянства. Эти линии планирования следующие.

Во-первых, промышленность и сельское хозяйство, между которыми существует тесная экономическая взаимозависимость, *должны двигаться вперед в полной увязке друг с другом*. Чрезмерное выскакивание вперед одной из обеих частей народного хозяйства, создающее разрыв между ними, приводит к хозяйственным катастрофам, кризисам, при чем от этого разрыва страдает не только отстающая, но и далеко вперед забежавшая часть народного хозяйства, т.е. зарвавшаяся вперед, допустим, промышленность на базе отстающего сельского хозяйства потерпит крах, и наоборот. (Это обстоятельство, конечно, отнюдь не отрицает необходимости усилить удельный вес промышленности в СССР на основе ее увязки с крестьянским хозяйством). Планирование не должно быть ни в коем случае шаблонным, а гибким, учитывая, в первую очередь, особенности экономического уклада той страны, где это планирование имеет место.

«Его (Ленина — М. Р.) третьим, важнейшим, быть может, указанием должен служить его анализ сложной структуры Советского Союза, его подразделение этой социальной структуры на 5 звеньев от патриархального крестьянского быта до крупных государственных фабрик и заводов последовательно-социалистического типа. Это многообразие социальной структуры, в свою очередь, должно предохранить нас от таких плановых построек, которые могли бы оказаться сапогами испанской инквизиции для развертывания нашего хозяйства. Надо прямо признать, что плановая деятельность наша должна отличаться чрезвычайным многообразием, и что никакой законченной плановой рецептуры, плановых указок в нашем распоряжении не имеется».¹

¹ Кржижановский. — «Плановое хозяйство» № 4, стр. 12.

Ленин неоднократно подчеркивал пестроту экономического уклада СССР, где имеются 5 звеньев: 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство; 3) частно-хозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм и 5) социализм. Как же двинуть всю эту пеструю экономику к социализму? Нужно двинуть не только передовые формы хозяйства, но и отсталые, но и все хозяйство в целом. Только движение всего хозяйства в целом к социализму, хоть оно и происходит чрезвычайно медленно, дает полную гарантию достижения цели, тогда как забегание вперед передовых форм хозяйства и отрыв их от остального хозяйства грозит срывом движения к социализму. Промышленность должна двигаться к социализму только путем увязки с сельским хозяйством, пролетариат — путем экономической смычки с крестьянством, которая является основой политического союза рабочих и крестьян. «У нас государственная власть, у нас масса экономических средств; если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, то будем абсолютно непобедимой силой. И тогда строительство социализма не будет делом капли в море, называемой коммунистической партией, а всей трудящейся массы; тогда рядовой крестьянин будет видеть: они мне помогают, и он тогда пойдет за нами так, что если эта поступь и будет в сто раз медленнее, зато будет в миллион раз прочнее и крепче». ¹ И дальше: «Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед... Если найдутся в нашей партии голоса, которые будут против этого архимедового и архисложного движения, — эти голоса будут одиноки». ² Наконец, смычка промышленности с сельским хозяйством необходима для того, чтобы отвоевать крестьянство от влияния эппиманов.

Вторая основная линия планирования заключается в курсе на индустриализацию нашей страны.

Мы получили историческое наследство в виде диспропорции промышленности и сельского хозяйства; индустриализация должна эту диспропорцию изжить и превратить СССР в передовую промышленную страну. Индустриализация, благодаря тому, что средства производства будут производиться в нашей стране, сделает СССР независимой в экономическом отношении от буржуазных стран, индустриализация увеличит кадры передового борца за социализм — пролетариата, ускорит переход всего народного хозяйства на социалистические рельсы. Необходимым условием для проведения индустриализации является ее увязка, а не отрыв от сельского хозяйства.

Наконец, *третья основная линия планирования заключается в том, чтобы исходить из возможности построения социалистической базы в СССР на основе внутренних сил.* Эта линия не нуждается в расшифровке, ибо она достаточно выяснена на XV партконференции и VII пленуме ИККИ.

Таковы основные линии плана. Внутри этих основных линий расположен ряд плановых действий. Какие требования следует предъявить к планированию? Следующие: умение гибко маневрировать, бороться с опасностью бюрократизации плана, что осо-

¹ Ленин, т. XVIII, ч. II.

² Там же.

бенно Ленин подчеркивал; не говорить о плане «вообще», а уметь сочетать план с реальной обстановкой, суметь ухватиться в каждый данный период за нужное звено, от которого зависит движение всей цепи хозяйства вперед; бороться как с недооценкой, так и с переоценкой плановых возможностей. Под углом зрения такой принципиальной установки мы и перейдем теперь к разбору конкретных разногласий в нашей партии по вопросу о плане.

На XII съезде партии большинству ЦК пришлось в резолюции о промышленности добавить абзац о связи промышленности с сельским хозяйством лишь после борьбы с Троцким, считавшим это излишним, так, как, мол, вопрос не стоял обо всем хозяйстве в целом. Тут проявилась определенная тенденция решать вопросы промышленности изолированно, вне увязки с сельским хозяйством. Неверность линии оппозиции по вопросу о плане особенно ярко выявилась при оценке причин кризиса осени 1923 года и методов его изживания. Основной базой, на которой кризис развернулся, явилась исторически унаследованная нами диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством; непосредственной же причиной кризиса было расхождение «ножниц» между ценами промышленной и сельскохозяйственной продукции. Кризис 1923 года (в отличие от предыдущих кризисов, носивших характер недопроизводства и захватывавших отдельные отрасли хозяйства) был кризисом перепроизводства. У крестьян получились значительные избытки хлеба, которых внутренний рынок полностью проглотить не мог, а экспорт был еще слаб; отсюда падение хлебных цен. Промышленная же продукция, будучи доставлена крестьянину, им не покупалась (хоть он в ней сильной нуждался) из-за непомерно высокой цены. Кроме того, этот кризис был особенно опасен, ибо охватил все хозяйство в целом и угрожал разорвать экономическую смычку рабочих и крестьян. Наконец, наряду с «ножницами» проявлению кризиса способствовало также отсутствие устойчивой денежной валюты, что обесценивало накопление крестьянства, не давало возможности правильного хозяйственного расчета в промышленности и т. д. Таким образом, кризис шел по линии неувязки промышленности с сельским хозяйством, по линии цен, по линии валюты. Были ли здесь допущены ошибки? Тов. Рыков отмечал, что ошибка была и заключалась она в отсутствии нажима на снижение цен промышленной продукции. ВСНХ, за подписью Пятакова, был дан промышленности приказ о накоплении прибыли, но как, за счет чего, — этого указано не было; не было дано запрещения накапливать прибыль за счет повышения цен и т. д. Посмотрим теперь, как же расценивала оппозиция кризис и как, по ее мнению, следовало его изжить. Она считала его кризисом недопроизводства (что неверно, ибо вопрос о перепроизводстве или недопроизводстве решается отношением товаров не к потребностям, а к покупательскому спросу населения) и результатом отсутствия плановости внутри государственного сектора хозяйства и даже внутри одной лишь промышленности.

«Такого плана (плана всего народного хозяйства Союза — М. Р.) создать в настоящий момент, при наличии колоссальнейшего по размерам крестьянского хозяйства, нельзя». И дальше: «Когда мы говорим о плане и управлении хозяйством, то в первую очередь и в первую голову встает вопрос об управлении государственным хозяйством, о внесении сознательности и систематичности, т. е. планомерности в это управление». И наконец, «следо-

вательно, основной метод борьбы с «ножницами» заключается в расширении государственной промышленности» (Пятаков). Троцкий определял «реальное экономическое содержание» лозунга смычки так: «плановое хозяйство; жесткая концентрация промышленности; жесткое снижение накладных расходов промышленности и торговли». Точку зрения оппозиции наиболее последовательно до конца довел В. Смирнов, говоря: «Секрет, товарищи, заключается именно в том, что тот кризис, который у нас произошел, отнюдь не был связан таким тесным образом с проблемой «ножниц», как сейчас говорят об этом. Кризис создан у нас в результате неправильной кредитной политики, несогласованной с другими сторонами хозяйственной деятельности... вопрос о кризисе и вопрос о «ножницах» — два разных вопроса». В чем же тут дело? А дело в том, что оппозиция кричит о плане общими фразами, но когда нужно план претворить в жизнь, она не может дать правильного анализа положения, не может практически верно вопрос поставить. Диалектика т. Ленина учит нас тому, чтобы в каждый данный момент ухватиться за важнейшее звено цепи и двинуть всю цепь вперед. Во время кризиса 1923 года такими звеньями, за которые надо было ухватиться, чтобы выйти из тупика и двинуть все народное хозяйство вперед, были: политика снижения цен на промышленную продукцию и проведение денежной реформы. На такой путь и стала партия. А оппозиция за громкими фразами о плане проглядела эти важнейшие звенья к практическому продвижению плана вперед. Вместо того, чтобы разрешать вопрос о правильном планировании по линиям смычки промышленности и сельского хозяйства, она пыталась замкнуть планирование рамками *только* государственного хозяйства и даже *только* промышленности. Это есть политика недооценки роли рынка, недооценки крестьянского хозяйства и, наоборот, переоценки плановых элементов нашего хозяйства. Оппозиция скептически относилась к проведению денежной реформы, не желая расставаться с совзнаком, который своими скачками вниз по существу собирал дополнительный «валютный налог» с крестьянства. Оппозиция, в лице Пятакова, была против политики снижения цен, ибо она, якобы, привела бы к сворачиванию производства. Линия ЦК о необходимости ограничиться минимальной прибылью, оппозиция противопоставила точку зрения максимальной прибыли в промышленности. Такая линия оппозиции, получившая название «диктатуры промышленности» была выдвинута также в требовании установить диктатуру промышленности над Наркомфином. «Внутри государственного комбината «диктатура» должна принадлежать не финансам, а промышленности» (Троцкий). Это значит, что так как Наркомфин увязывает все части хозяйства между собой через финансы, а оппозиция претендует на высказывание вперед только промышленности, не думая об увязке с крестьянской экономикой, то она и воюет с Наркомфином. Поэтому прав был тов. Рыков, когда на XIII партконференции заявил: «Мы имеем политическую диктатуру рабочих, но не экономическую диктатуру фабрики». Жизнь достаточно наглядно показала неудовлетворительность изолированных, оторванных от остальных частей хозяйства, планов (взять хотя бы неудачный приказ 1042). Всем еще памятен «грозный» документ 46-ти, который обвинял ЦК в отсутствии какого бы то ни было руководства хозяйством, в отсутствии плановости и т. д., что ведет страну к гибели; всем памятна резолюция четырех экономистов: Пятакова,

Преображенского, Осинского и В. Смирнова, с которыми, по заявлению Каменева на XIII съезде партии, «идейно, если не по форме, солидаризировался Троцкий». (И, действительно, в своем выступлении на XIII съезде Троцкий не отмежевывался от этих документов). Какие поправки по хозяйственным вопросам вносила оппозиция к тезисам ЦК? Она выдвигала те же вопросы плана (их мы уже разобрали и больше останавливаться не будем), вопрос о применении товарной интервенции и о недопустимости активного баланса во внешней торговле. В то время, как ЦК взял тогда курс на ввоз из-за границы только средств производства, с тем, чтобы предметы потребления производить на наших предприятиях, оппозиция предлагала ввозить широкой волной из-за границы предметы потребления: это привело бы к расточению нашей золотой валюты, подрыву нашей промышленности и установлению смычки между иностранным капиталом и нашим кулаком. В отношении активного баланса, оппозиция считала его слишком большой роскошью для бедной страны: золоту, мол, зря лежать не следует: «Сейчас несвоевременно (накапливать золото) потому, что мы нуждаемся сейчас не в золоте, а в оживлении нашей промышленности и нашего хозяйства, чего путем отложения золота у Сокольников или у Шеймана сделать нельзя. Вместо политики активного баланса мы должны установить политику соответствия ввоза и вывоза» (Пятаков). А Преображенский на XIII партконференции заявил: «А я вас, товарищи, уверяю, что при правильной политике в области денежного обращения для нас золотое обеспечение играет роль, если хотите, некоторого *психологического* фактора, не больше». Тут мы имеем все то же преувеличение наших плановых элементов со стороны оппозиции, если она считает золото психологическим только, а не важнейшим материальным фактором для денежного обращения. И это говорится в момент, когда золотое обеспечение было особенно необходимо для проведения денежной реформы. Оппозиция не могла понять, что активный баланс, отлагающийся в виде золота, необходим не «для роскоши», а для обеспечения денежной реформы, в качестве резерва на случай голода и т. д. Практика последующих лет показала, что при жесткой линии на активный баланс на деле получается пассивный, благодаря тому, что вывоз представляет для наших хозяйственников больше трудностей, чем покупка за границей. При курсе же против активного баланса дефицит внешней торговли был бы гораздо больше.

Особенно остро встал вопрос о том, как планировать, на XIV съезде партии, в связи с постановкой там во всю ширь важнейшей проблемы индустриализации нашей страны. Центральными вопросами спора в партии на этом съезде и после него, в связи с этой проблемой, были: *темпы* индустриализации и *источники* социалистического накопления. Эти два вопроса между собой неразрывно связаны, ибо чем больше социалистическое накопление, тем быстрее темпы индустриализации.

Партия использует все возможности накопления за счет получения налога с крестьянства, получения прибыли с обобществленного сектора хозяйства (промышленность, кредит, торговля) и т. д. Максимальную часть своих ресурсов государство вкладывает в промышленность для ее реконструкции (капитальные затраты).

Партия проводит индустриализацию решительным темпом, который должен, однако, происходить на базе смычки промышлен-

ности с сельским хозяйством. Но этот темп индустриализации не удовлетворяет оппозицию во главе с Троцким, Пятаковым, Преображенским (а в последнее время сюда примкнула и новая оппозиция); ведь ясно, что сторонники «диктатуры промышленности» после того, как партия поставила вопрос об индустриализации, должны пойти дальше партии и выявить себя в качестве сверхиндустриалистов. Двинуть вперед индустриализацию таким темпом, чтобы она оторвалась от сельского хозяйства, разрушить таким путем рабоче-крестьянский блок — это и есть «сверх-индустриализм».

Правда, «сверх-индустриалисты», выдавая себя за «патриотов» промышленности, распространяя цеховую идеологию, ведут близкую политику и подкупают сами сук промышленности, ибо зарвавшаяся слишком далеко промышленность должна неизбежно и сорваться; зато они чрезвычайно последовательны в упорном отстаивании своих прежних ошибок и доведении этих ошибок до логического конца. Практические предложения оппозиции по части изыскания дополнительных средств на индустриализацию вытекают из теоретического «закона социалистического накопления» Преображенского. Сущность этого закона заключается в том, что в отсталой мелкобуржуазной стране социалистическое накопление вынуждено в большей степени «опираться на эксплуатацию до социалистических форм хозяйства», мелкие хозяйства являются колонией для промышленности, социалистическая система и система частного-товарного производства не могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Поэтому такое равновесие длительно существовать не может, потому что «одна система должна пожирать другую». Подробная критика этого «закона» дана Бухариным, но уже приведенных несколько фраз достаточно для заключения, что ничего общего этот закон с линией партии иметь не может. Партия ставит вопрос о смычке промышленности и сельского хозяйства, пролетариата и крестьянства, — о совместном увязанном движении всех частей хозяйства к социализму. «Закон» же говорит о «пожирании» крестьянского хозяйства, об эксплуатации его, о крестьянстве, как о «колонии» пролетариата. «Закон» является обоснованием мысли Троцкого о том, что пролетариат после захвата власти «придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти» («1905 г.»). «Закон» является опять таки последовательным применением линии «диктатуры промышленности», игнорирующей развитие сельского хозяйства. Отсюда следует уж ряд практических предложений оппозиции о способах «пожирания» крестьянства. Способы эти следующие: 1) Усилить обложение кулачества. Кулачество в этом году платит гораздо больший налог, чем в прошлом; дополнительный налог не дал бы государству крупной суммы, а лишь обострил бы политическую атмосферу; говорить же о дополнительном обложении середняков тем более не приходится. 2) Повысить цены на промышленную продукцию, что является тем же налогом, только с другой стороны. Такое предложение совершенно недопустимо, тем более, что «ножницы» начинают растворяться и партия проводит решительную борьбу за снижение цен. 3) Дело дошло даже до того, что было предложение (Пятакова) о переброске миллиарда рублей из

торгового оборота в промышленность, что равносильно предоставлению господства на рынке частному капиталу. Такова «тайна» миллиардов, доставаемых оппозицией для социалистического накопления и отвергнутых партий.

На XV партконференции объединенная оппозиция высказалась за невозможность построения социализма в нашей стране на основе внутренних сил и возможностей, без государственной поддержки пролетариата других стран. Это является лишь простым повторением мысли Троцкого, вложенной в его теорию перманентной революции, о том, что «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» («Наша Революция»).

Тов. Ленин подчеркивал громадное значение электрификации страны («На мой взгляд—это наша вторая программа партии»,— т. XVII) и кооперации в деле переустройства крестьянского хозяйства по пути к социализму. («Если выделить особо концессии... то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом»,— т. XVIII, ч. II). В статье «О кооперации» Ленин отмечал, что у нас в стране имеется все необходимое и достаточное для построения социалистического общества: ряд других цитат из Ленина (статья против Суханова и т. д.), приведенных Сталиным на партконференции и пленуме ИККИ, доказывают, что Ленин считал *возможным* построить *собственными силами* социализм в нашей стране.

Почему же оппозиция ставит непременно условием победы социализма в нашей стране государственную помощь пролетариата других стран? Да потому, что, по ее мнению, нам — технически отсталой стране — не построить собственными силами базы социализма; потому что она считает невозможным переход в нашей стране крестьянского хозяйства на социалистические рельсы, скептически относится к проведению кооперативного плана Ленина. Характерно отметить, что в «законе» Преображенского роль кооперации на селе совершенно сводится на-нет, при чем речь идет там о «какой-то» новой кооперации. Тут мы видим опять ту же линию недооценки роли крестьянского хозяйства в движении к социализму, а раз так, то оппозиция выдвигает такое планирование, которое ориентировалось бы не на укрепление смычки с крестьянским хозяйством, а на «государственную» поддержку западно-европейских стран». Практически такое «планирование» сводится к тому, чтоб не строить активно социализма в нашей стране, не тратить сил и средств на переустройство крестьянского хозяйства, все силы и средства бросить в промышленность и «хозяйственно карабкаться» без каких бы то ни было перспектив, обращая лишь все время вопли о помощи к пролетариату других стран.

Такова эволюция ошибочных взглядов троцкистской оппозиции по вопросу о плане. Все ее ошибки (выпирающие вперед промышленности вне увязки с остальным хозяйством, недооценка роли крестьянского хозяйства, явное преувеличение роли плана) состоятся на одной основной базе — недооценке крестьянства, что составляет «гвоздь» троцкизма. Но в нашей партии был и противоположный уклон, заключавшийся в недооценке плановых возмож-

ностей и переоценке роли крестьянского хозяйства. Представителем этого уклона является Сокольников, который считает значение контрольных цифр для практической работы минимальным, ибо они, мол, не гарантируют от кризисов; на заседании СТО 18/IX — 1925 года Сокольников сказал: «Огромное количество элементов находится вне нашей плановой воли... мы имеем такой порядок, где, с одной стороны, есть ряд мельчайших стихийных планов и рыночных конъюктур, с другой стороны — наши планы. Это-то как раз и является само по себе объективной подготовкой для целого ряда кризисов». Сокольников противопоставлял «крестиплан» — Госплану и говорил, что 22 миллиона крестьянских планов проводятся в жизнь, а наши к черту летят. Такая постановка вопроса совершенно неверна, ибо: 1) наш план способствует предотвращению кризисов, а не их созданию, и 2) неверно, что план к черту летит и не имеет никакого практического значения; наоборот он имеет большое практическое значение, ибо если даже какие-либо стихийные обстоятельства (неурожай и т. д.) могут план видоизменить, то в основном он все же сохраняется. Отсюда вытекает и «крестиплановская программа» Сокольникова, развитая им на XIV съезде ВКП(б) в связи с вопросом об индустриализации нашей страны. Суть ее сводится к тому, чтобы все силы направить на форсированное развитие сельского хозяйства, усилить экспорт с.-х. хозяйственной продукции и за счет этого увеличить ввоз товаров из-за границы. Тут мы имеем, если можно было так выразиться, «сверх-сельскохозяйизм», как реакцию против «сверх-индустриализма». По существу же точка зрения Сокольникова направлена против индустриализации страны; она означает экономическое подчинение СССР буржуазным странам или, как метко определил Сталин, «дауэсизацию» нашей страны.

Партия вела и ведет борьбу с обоими уклонами и шатаниями в области плана (а шатания эти приводят к тому, что даже такой «сверх-индустриалист», как Троцкий, так перегнул палку в области концентрации промышленности, что в свое время дело чуть не дошло до закрытия Путиловского завода). Она трезво учитывает соотношение плановых и стихийных элементов нашей страны и будет продолжать планирование хозяйства в направлении к социализму на основе смычки промышленности с сельским хозяйством, проведения индустриализации и использования всех внутренних ресурсов нашей страны.

III. Кто кого?

Правильность линии планирования, проводимой партией, доказывается практическими результатами этого планирования. На вопрос: «кто кого» наиболее убедительный ответ дают цифры о динамике советского хозяйства, о соотношении социалистических и капиталистических элементов в СССР. Прежде всего следует отметить рост и укрепление наших командных высот. По сравнению с 1923/24 годом мы имеем рост промышленности: в 1925/26 г. на 120,7% и в 1926/27 г. на 152,8%; рост сельского хозяйства — в 1925/26 г. на 27,6% и в 1926/27 г. на 34,4%. Это говорит о повышении удельного веса нашей промышленности в общем хозяйстве.

Темп развития индустрии (крупной) по проекту промплана на 1926/27 год определен в 20,6% против 15,6%, намеченных

в контрольных цифрах Госплана: в 1927/28 году предполагено госплановскими контрольными цифрами увеличение продукции на 5%, по другим же, более вероятным, расчетам на 12—15%; то-есть этот темп выше темпа развития промышленности в капиталистических странах. Следующее характерное явление заключается в повышении удельного веса тяжелой индустрии по сравнению с легкой: в 1924/25 г. тяжелая индустрия составляет 41,3%, в 1925/26 г. — 44,6%, в 1926/27 г. — 45,6%.

Следует отметить неуклонное падение удельного веса частно-капиталистической и кустарной промышленности, которая в 1923/24 г. имела 27,7%, в 1924/25 — 16,9% и в 1926/27 г. — 15,3% общей продукции промышленности.

Важнейшим признаком роста командных высот является увеличение, особенно за последние годы, капитальных вложений в промышленность, электростроительство, транспорт и сельское хозяйство. В госпромышленность вложено (в мил. руб.): 1923/24 г. — 225; 1924/25 г. — 385,1; 1925/26 г. — 780; 1926/27 г. — 947 (а с электрификацией — 1.100). В электрификацию: 1923/24 — 42; 1924/25 г. — 43,3; 1925/26 г. — 69,1; 1926/27 — 90. В транспорт: 1923/24 г. — 163,9; 1924/25 г. — 225,9; 1925/26 г. — 437,7; 1926/27 г. — 506,8. В сельское хозяйство: 1923/24 г. — 645,5; 1924/25 г. — 743; 1925/26 г. — 849,9; 1926/27 г. — 966,4. В частности, по индустрии входят 374 новых предприятия на сумму 1 млрд. 55 мил. руб.: по электрификации пущены станции: Красный Октябрь — 20.000 квт., Шатурка — 32.000, Каширская — 12.000, Нижегородская — 20.000, Кизеловская — 6.000, Штеровка — 20.000, Волховстрой — 54.000. По сельскому хозяйству: сельскохозяйственное машиностроение составляет 123% довоенного.

Посмотрим теперь, каково соотношение между государственной и кооперативной торговлей с одной стороны и частной — с другой. Этот вопрос является наиболее важным измерителем в определении того, куда мы растем, ибо если в промышленности частный капитал у нас никогда значительной роли не играл, то в торговле он имел довольно прочные позиции.

Товарооборот (в мил. руб.)

Период	Государств.	Кооперат.	Итого	Частный
Оптовый				
1923/24 г. . .	2.459	1.235	3.694	1.030
%% . . .	52,1	26,1	78,2	21,8
1924/25 г. . .	3.500	2.651	6.151	644
%% . . .	51,5	39,0	90,5	9,5
1925/26 г. . .	5.100	4.982	9.482	981
%% . . .	48,6	41,2	90,6	9,4
1926/27 г. . .	6.304	5.406	11.710	1.159
%% . . .	49	42	91	9

Товарооборот (в мил. руб.)

Период	Государств.	Кооперат.	Итого	Частный
Розница				
1923/24 г. . .	566	1.515	2.081	2.946
%/о/о . . .	11,3	30,1	41,4	58,6
1924/25 г. . .	1.355	2.486	3.841	3.056
%/о/о . . .	12,6	36,1	55,7	44,3
1925/26 г. . .	1.754	4.370	6.124	3.879
%/о/о . . .	17,5	43,7	61,2	38,8
1926/27 г. . .	1.992	5.452	7.444	4.087
%/о/о . . .	17	47,5	64,5	35,5

Если сравнить 1926/27 г. с 1923/24 г., то удельный вес частного торгового капитала в оптовой торговле снизился с 21,8% до 9%, а в рознице с 58,6% до 35,5%. И здесь в своей твердыне частный капитал отстывает перед плановыми элементами нашего хозяйства.

Борьба за молодежь в Америке

Американский комсомол — организация молодая. За шесть лет своего существования он прошел целый ряд различных стадий развития, проделав относительно быстро трудный процесс своего политического и организационного оформления. Ему пришлось совершать этот процесс в самых неблагоприятствующих условиях, в обстановке грубейшего до цинизма капиталистического абсолютизма, лицемерно прикрывающегося фиговым листком демократизма, в обстановке усиленной милитаризации молодежи, из которой промышленные и финансовые короли предусмотрительно готовят себе заранее пушечное мясо среди разнообразнейших буржуазных, миссионерских и христианских организаций, под разными соусами, расставляющих свои сети для рабочего класса и в особенности для молодого пролетариата.

Комсомол Америки боролся за свое существование в школах, где мысль юношества уже с первых лет сознательной жизни систематически отравляется умелой и рассчитанной пропагандой «просвещенного капитализма», и на фабриках и заводах, где новая религия Америки — фордизм — всеми способами вводится в головы рабочих, превращая их в добровольных рабов, променяющих классовое самосознание, борьбу со своими эксплуататорами, здоровье и лучшие годы жизни на собственный домик и собственный автомобиль. Если американский комсомол смог за такой, сравнительно, недолгий период времени из социалистической организации с весьма неустойчивой идеологией превратиться в революционный пролетарский союз, основанный на производственных ячейках, имеющий действительное влияние на передовую часть массы рабочих молодежи и ведущий большую революционную работу, — то это стоило ему больших усилий. Бросим беглый взгляд на его историю.

Создание первых социалистических групп молодежи в Америке относится к 1907 году, когда они возникли по инициативе рабочего юношества в северных промышленных районах. Вначале они существовали совершенно самостоятельно и были немногочисленны. Лишь пять лет спустя социалистическая партия стала руководить этим движением, оказывая ему моральную и материальную поддержку и ведя пропаганду за него, в результате чего в 1913 году объединенный союз этих групп имел уже до 4.500 членов.

Работа, которую союз вел в своих группах, носила, главным образом, социалистически-просветительный характер. Занятия производились в вечерних школах; развлечения и спорту было посвящено также значительное внимание. Был создан журнал «Молодой Социалист», периодически издавались брошюры, листовки и т. п.

К началу империалистической войны союз уже представлял собой довольно крепкую организацию в пять тысяч молодых рабочих от 15 до 30 лет, которые, если не были еще социалистами в

полном смысле этого слова, то во всяком случае были проникнуты духом международного социализма и солидарности с пролетариатом других стран. Патриотический утар, захвативший американскую буржуазию и мелкобуржуазную молодежь с начала войны, почти совершенно не коснулся социалистического союза. Наоборот, он отважно принялся за работу: распространял антимилитаристскую литературу, вел в буржуазных союзах молодежи и в армии пропаганду против войны, разоблачая ее чисто империалистский, захватнический характер; он принимал активное участие в целом ряде противовоенных демонстраций. На I международный съезд социалистической молодежи в Берне Американский союз послал резолюцию солидарности с рабочими воюющих стран и возмущения против милитаризма и капитализма; там же призывал к войне, против империалистической войны и дал торжественную клятву создавать и защищать международное единство рабочих и бороться за социализм. Резолюция подчеркивала принципиально враждебную позицию союза в отношении всякой войны, будь она оборонительной или наступательной.

Вступление Соединенных Штатов в войну только укрепило позицию союза. Он продолжал свою работу, подвергаясь преследованиям полиции, арестам, избиениям и всяким другим репрессиям, которые могла придумать «демократическая» родина для своих возмущившихся рабов.

В результате этих арестов движение лишилось своих лучших вождей, и влияние руководства социалистической партии сильно умеряло революционный дух союза.

Октябрьская революция в России обострила внутренние противоречия в социалистической партии Америки и усилила в союзе молодежи оппозиционное движение против реформистских вождей. Молодые социалисты уже определенно сознавали, что необходимо внести принципиальную ясность в основные вопросы программы и тактики. Классовая сознательность толкала их к большевикам и они были убеждены, что только революционный социализм сможет воспитать молодежь для того, чтобы она стала авангардом молодого пролетариата. Но союз был еще не в силах освободиться от опеки социал-реформистов, которые в то время целиком им руководили, контролировали его и назначали бюро союза. Именно вследствие этого подчинения союз не мог реагировать на победное движение русской революции с такой солидарностью, какую проявили европейские социалистические союзы молодежи.

Так, в 1919 году, на приглашение русских большевиков прислать в Москву делегатов на конгрессе, чтобы создать новый революционный интернационал, Американская Социалистическая Партия не отзывалась. Также ей удалось еще удержать и союз молодежи от поездки на Берлинский съезд в 1919 году, где был создан Коммунистический Интернационал Молодежи. Но Американский союз быстро перерастал реформистов, внутренняя оппозиция по руководству расширялась все больше, значительная часть его стремилась присоединиться к КИМУ и освободиться от меньшевистского повода. В 1920 году, в результате мучительной внутренней борьбы, союз вступил в КИМ. С социалистическим руководством было, наконец, порвано, и отсюда начинается история Американского комсомола.

Первые годы работы на новых основаниях были исключительно трудны. Наследство социалистической партии давало себя

чувствовать. Союз не сумел сразу наладить конкретную работу. Он не всегда находил пужные лозунги, пропаганда и выставляемые им требования носили общий характер. В вопросах юношеского и детского труда, профессионального обучения и в вопросах тактики своей работы союз слабо ориентировался и сделал некоторые ошибки.

Постановление КИМ'а об изменении тактики единого фронта встретило значительное противодействие со стороны некоторой части членов союза. Дискуссии по этому вопросу тянулись довольно долго, пока, наконец, лозунг этот был принят союзом в целом и стал проводиться в жизнь. Перестройка союза по принципу фабрично-заводских ячеек тоже прошла не совсем безболезненно, в виду недостаточной активности всех членов союза. Однако, было сделано и это. Союз сильно приблизился к типу массовой организации, влияние его на рабочую молодежь усилилось. Он участвовал во многих забастовках и выступлениях взрослых рабочих, организовал несколько конференций молодых рабочих, где выставил ряд экономических требований, касающихся улучшения условий труда, отмены ночных работ для подростков, повышения и урегулирования зарплат и т. д. Рабочая молодежь эти требования поддерживала, видя в этом конкретный метод борьбы за улучшение своего положения. Комсомольский журнал «Молодой Рабочий» стал популярен среди молодого пролетариата и является выразителем его насущных интересов. Сейчас союз занят укреплением своей организации, теоретической подготовкой парторганизаторов и инструкторов и созданием комсомольских фракций в различных профсоюзах. Кроме этого, огромную работу он проводит среди рабочей молодежи, вовлеченной уже во враждебные буржуазные и христианские организации.

Что же представляют собой эти организации и какую роль они играют в движении американской молодежи вообще и рабочей молодежи в частности?

Большей частью это — «аполитичные» студенческие и школьные союзы, созданные для развлечений и спортивных занятий. Вполне ясно, что политика им чужда, поскольку всем воспитанникам учебных заведений усиленно и неизбежно прививается дух служения государству. Самый средний студент в Америке прекрасно сознает, что при существующей системе ему всего выгоднее ее поддерживать и она дает ему заработок и общественное положение в то время как конфликт с нею повлек бы за собой тягостную жизнь бунтовщика, нищету и невозможность участия на том жизненном пиру, для которого Америка считает себя призванной в мир. Американские сынки денежных и товарных фабрикантов новейшей формации далеко ушли от своих европейских собратьев, и в то время как последние в программах своих союзов ставят себе гуманистические и либеральные цели, пытаются бороться с предрассудками и пр., молодые американцы ограничиваются в этих организациях лишь футболом и спектаклями, чтобы не отступать от основной линии, не сбиваться с главного пути. Им в высшей степени наплевать на предрассудки; научиться с максимальной интенсивностью оперировать долларами, которые они получают от своих отцов по выходе из школы и университета, помещать их, торговать ими, экономически заглаживать странами других материков и укреплять экспансию американского капитализма. — вот их цель и дорога, вот их политическая программа.

Однако, на тот случай, когда Америка двинется на мир уже вооруженная не только золотом и теорией «просвещенного» и «демократического» капитализма, а тяжелыми орудиями, самолетами и газовыми снарядами, американская буржуазия и здесь стремится обеспечить за своими сыновьями руководящие места. Вся молодежь университетов и колледжей, добровольно и в принудительном порядке, проходит регулярный курс военного обучения. Из учащихся создаются хорошо тренированные и воспитанные в духе активного патриотизма офицерские резервы, которые в будущей войне явятся командным составом американской армии. Специальным законом это обучение введено как обязательное, при чем учебные заведения организуют и содержат за свой счет и на субсидии правительства двухгодичные курсы военной подготовки. Военное министерство руководит этими занятиями, свыше пяти тысяч офицеров обучают учащихся по программе кадетских корпусов. Они проходят строевую службу, употребление оружия, службу снабжения, связи, военную технику, тактику и пр. После университетской военной подготовки, практических занятий, курсов «успевающих» и лагерей регулярных воинских частей, обучение считается законченным, и студенты в чине офицеров резерва возвращаются к гражданской жизни. В 1926 году военную подготовку проходило 350.000 человек учащейся молодежи в 650 учебных заведениях. Эта цифра в достаточной степени говорит за то, что закон не встретил сопротивления в студентах; наоборот, еще до опубликования его военное обучение было введено уже в 125 университетах. Несколько труднее оказалось ввести обучение в колледжах, где преобладает мелкобуржуазный элемент, но все же после издания закона и эти школы не оказали ему открытого противодействия, хоть патриотизм в них был далеко не так силен, как в университетах.

Слишком ясно, что закон о принудительном военном обучении молодежи, главным образом, направлен к милитаризации именно мелкобуржуазной и рабочей молодежи. Здесь уже военное министерство не останавливается пред затратами: в прошлом году на обучение молодого пролетариата было истрачено 5.500.000 долларов. Хозяйства и заводская администрация всячески поощряют своих юных рабочих к этому обучению, которое происходит в специальных гражданских лагерях в течение четырех недель. Предприниматели оставляют работу за рабочими, отправляющимися в лагерь, и продолжают выплачивать им жалованье. Военное обучение не связано для молодежи с расходами: она получает все снаряжение бесплатно; за проезд в лагерь и обратно платит также правительство. Конечно, такие поощрения, да еще возможность целый месяц отдохнуть на чистом воздухе, не теряя работы, оказывают свое воздействие на молодой пролетариат. Рост числа проходящих военное обучение служит тому доказательством: в 1922 г. их было 6 тысяч, в 1924 г. — 25 тысяч, и в 1926 г. — 35 тысяч. Из них готовятся рядовые солдаты, и лишь наиболее способные и надежные в политическом отношении получают возможность обучиться на младшего офицера.

Заинтересованность буржуазии в проведении милитаризации молодежи вполне естествена. Она надеется обеспечить себе таким образом резервные армии штрейкбрехеров и усмирителей рабочих. Не даром студенческие корпуса уже получили боевое крещение в 1926 году, когда вместе с полицией и войсками они усмирляли забастовку угольщиков и металлистов на севере. И если «внутренним

врагом» государства для студентов является революционный пролетариат, то для рабочей молодежи этим врагом должна быть, прежде всего, она сама.

Сознательные рабочие уклоняются от военного обучения, не желая служить пушечным мясом молодому американскому империализму в его завоевательных «подвигах».

Не встречая поддержки со стороны желтых профсоюзов, которые в своей услужливости капитализму даже сами помогают организации военного обучения рабочей молодежи — эти «красные», «агенты большевиков», «плохие патриоты» и т. д. лишаются работы, отдаются под суд и приговариваются обычно к заключению и каторжным работам.

Работа комсомола в отношении милитаризации молодежи заключается в широкой и активной пропаганде, разоблачающей перед молодыми рабочими цели буржуазии в военном обучении. Своих членов союз понуждает идти в гражданские лагеря и научиться там владеть оружием, чтобы впоследствии обратить его против буржуазии же. Кроме того в лагерях легче, чем на заводах вести пропаганду среди молодежи, здесь встречается учащаяся молодежь с рабочей и КСМ создает себе базу для будущих армейских организаций.

Полиция тщательно выслеживает антимилиитаристических пропагандистов, и работы в лагерях сопряжены с большими трудностями, тем более, что руководители — офицеры — нередко состоят членами различных реакционных националистических и фашистских организаций. Из них следует упомянуть об Американском Легионе, союзе фронтовиков, который после войны из чисто военной организации выродился в фашистски-полицейскую. Борясь с призраком «большевистской опасности», легионеры вместе с полицией и сыщиками подвизаются в выслеживании коммунистов и просто революционных рабочих, разгоняют их собрания, громят организации и т. д. При Легионе имеются также группы молодежи, главным образом, учащейся. Спасаясь от преследований Легиона — с одной стороны, с другой — комсомол стремится сблизиться с пролетарским элементом, который все же входит в юношеские группы Легиона. Поскольку эта рабочая молодежь уже заражена фашистскими идеями и американским национализмом, с идеологической стороны ее взять очень трудно. Скорее она поддается на широкие заводские кампании, проводимые рабочими, хотя бы членами разных союзов, единым фронтом за экономические требования. И если пока еще нельзя привлечь эту молодежь совсем на свою сторону, то эти кампании, руководимые комсомолом, значительно ослабляют ее враждебность к революционному пролетариату, убеждая ее в общности интересов всей рабочей массы.

Одним из серьезных противников комсомола является союз скаутов. Это движение достаточно известно, чтобы здесь излагать его содержание. Но необходимо отметить, что несмотря на свой чисто спортивный внешний характер, движение скаутов является одной из наиболее мощных опор американского милитаризма и шовинизма, усиленно и прочно внедряемого в головы подростков. Буржуазия не скупится на средства, которыми она поддерживает этот союз, ибо в нем преобладает пролетарский и мелкобуржуазный элемент, и, обработав его сознание с раннего возраста, капиталист уже более или менее спокоен за его будущее. В 1926 году общая числен-

ность скаутов превысила 2 миллиона, клубов было до 50 тысяч и общий тираж газет и журналов союза равнялся 4 миллионам экземпляров. Действительно ужасающий масштаб движения. И если учесть «экскурсии» бой-скаутов, в продолжение которых офицеры-руководители обучают их военному делу, если учесть индивидуальную материальную помощь, которую оказывает буржуазия нуждающимся членам союза, тогда будет вполне ясна роль союза скаутов в юношеском движении и его цель — разложить сознание молодых пролетариев, деклассировать их и сделать послушным орудием в руках буржуазии.

Не менее опасным врагом КСМ являются всевозможные религиозные юношеские организации, которых в Америке очень много. Их создает местная церковь и приезжие миссионеры, их финансирует та же буржуазия, которая готова финансировать все, что способно гарантировать ей относительное спокойствие рабочего класса. Христианский Союз Молодых Людей Америки, тоже достаточно известная организация, имеет огромное влияние среди рабочей молодежи. Он представляет собой мощную организацию, численностью свыше 1 миллиона членов. Он поддерживает морально и материально фашистский Американский Легион и имеет своих агентов в армии. На свою националистическую и реакционную пропаганду он тратит более 150 миллионов долларов в год. Обладая колоссальными материальными средствами и постоянно увеличивая их, путем эксплуатации крупных коммерческих предприятий, этот союз может действительно оказывать существенную поддержку молодежи в виде пособий при безработице, бесплатных обедов и ночлега, профессионального обучения, прискания работы и т. д. Связываясь таким образом с союзом, молодой рабочий уже не может вырваться из сферы его влияния, так как организации союза бездесути, наблюдение за рабочим не прерывается, в любой момент ему оказывается любое содействие — и он убеждается в том, что союз действительно охраняет его интересы и заботится о нем. Но одновременно с сознанием молодого рабочего вдалбливаются идеи христианского смирения и непротивления злу, подчинения существующей власти и т. д., которые отрывают его от революционного рабочего движения навсегда. Классовая неустойчивость американской рабочей молодежи определяется колоссальным количеством юных товарищей, входящих в христианский союз. Борьба с этим грустным фактом еще очень трудна. Антирелигиозная пропаганда комсомола и его публичные дискуссии с членами христианского союза могут удерживать других молодых рабочих от вступления в этот союз, но пока еще вряд ли могут серьезно поколебать огромную армию юного пролетариата, сознание которого находится в плену у церкви.

Среди различных организаций, которые буржуазия создает для пролетарской и мелкобуржуазной молодежи, чтобы изолировать ее от революционных влияний и воспитать в духе классового сотрудничества и «служения государству», т. е. той же буржуазии, следует упомянуть еще о сельских клубах молодежи. Кроме указанной уже принципиальной цели, они преследуют еще ряд практических целей: научить сельскую молодежь применению современной техники и новейших методов в сельском хозяйстве, чтобы повысить производительность земли и человеческого труда, приучить молодежь пользоваться посредничеством банков, вызвать в ней

чувство соревнования, конкуренции, жажды собственности, расширения своего хозяйства и прибылей.

Эти клубы находятся под покровительством всех общественных организаций, банков, школ и церкви. Они получают субсидии деньгами, пособиями и материалом; руководители также присылаются из местных центров.

Фермерские дети, учащиеся и молодые сельские рабочие слушают вместе лекции по различным специальностям: земледелию, садоводству, животноводству, молочному хозяйству и т. д., затем выполняют контрольные практические работы. Они демонстрируют на специальных показательных выставках результат своих работ: выкормленных животных, овощи и пр., и, наконец, продают их на ярмарке. За лучшие достижения членам клуба выдаются призы и денежные премии.

С приближением комсомола к сельскому населению, ему предстоит нелегкая задача вести работу среди этой молодежи и вызвать в ней классовое сознание.

Что касается молодых социалистов, то о них можно сказать немного.

После раскола Союза Социалистической Молодежи, когда первое большинство постановило войти в КИМ, организация молодых социалистов стала быстро терять свое значение и авторитет среди рабочей молодежи. Достаточно привести, что в 1925 г. она насчитывала около 3 тысяч членов, а к началу 1926 г. ее численность упала до одной тысячи. В местных группах члены организации воспитываются в духе эволюционного мирного социализма и классового сотрудничества, при чем эта воспитательная деятельность ведется крайне слабо. В экономической борьбе рабочей молодежи социалисты никакого участия не принимают. Комсомол ведет пропаганду в их рядах и в недалеком будущем, вероятно, совершенно поглотит остатки их организации.

Необходимо отметить работу среди молодых негров, которую ведет комсомол. Считаясь в Америке отверженной расой человечества и не пользуясь элементарными гражданскими правами, негры относятся ко всем белым недоверчиво и порой искренно сами считают себя ниже их. На плантациях и на заводах для негров вообще почти не существует определенных условий труда. Самые тяжелые работы выполняют они, самый длинный рабочий день и самая мизерная плата являются их уделом. Жестокое обращение надсмотрщиков и общее презрение делают негров скрытными, неискренними и подозрительными. Несмотря на такие трудные для работы условия, комсомол сумел подойти к негритянской молодежи, кое как организовать наиболее решительную и левую ее часть и провести ряд ее собраний под лозунгом правового и экономического уравнивания черной и белой рабочей молодежи, свободного вступления в профсоюзы и международной солидарности юного пролетариата всех рас в борьбе за социализм.

Кое где уже созданы негритянские комсомольские ячейки, которые ведут пропагандистскую работу среди своих товарищей.

Такова в общих кратких чертах обстановка, в которой работают наши американские товарищи, хоть организация их невелика численно, но она крепка своей связью с основными массами молодого пролетариата. Растущее недовольство этих масс и в незначительной еще мере мелкобуржуазного учащегося юношества в суще-

ственной степени обязано пропаганде комсомола и компартии. Очередная задача комсомола—в едином фронте отдельных кампаний еще ближе стать к рабочей молодежи, беспартийной или входящей в буржуазные союзы. Вовлечь этих молодых рабочих в революционное движение и на путь правильной политики классовой борьбы было бы не по силам такому незначительному по своей численности авангарду молодежи, какой представляет собой комсомол (2.500 человек), если бы он уже теперь не опирался на сочувствие массы молодого американского пролетариата, у которого классовое самосознание пробуждается и который, признавая пути и цели КСМ, стойко следует за его знаменем.

Л. КОЛЕСНИКОВ

Генрих Б—н... обвиняет

(По поводу статьи Г. Б—на „Эпоха великого дела“ в № 4 „Ю. К.“)

С тех пор, как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В сердцах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

М. Ю. Лермонтов

...Что такое ежовы рукавицы? Это должно быть русская поговорка... Что такое держать в ежовых рукавицах?—повторил он, обращаясь ко мне.

— Это значит,—отвечал я ему с видом как можно более невинным,—обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах*.

А. С. Пушкин «Капитанская дочка»

I

Генрих Б—н в последнее время избрал постоянной темой своих статей пороки и язвы нашего «неустроенного» переходного времени. Шпага его, выражаясь фигурально, разит на смерть «бюрократизм», «казенщину», «дешевку»; с рыцарской самоотверженностью спешит он на помощь «массам», от которых «самоотделяется» некий таинственный «авангард», берет под свое просвещенное покровительство Чаплина; заступает за погрязшие в полемике авторские права Е. А. Преображенского; наступает на врага сразу на десяти фронтах, и всюду фортеции рушатся, оружейная пальба разрывает барабанные перепонки, враги бегут в панике, умоляя о милости победителя...

Мы не стали бы мешать Генриху Б—ну в его заслуживающем всякого прощрения занятии, но... но у нас так еще неопределенна политическая терминология, что там, где зоркому глазу Г. Б—на рисуются уродливые контуры бюрократического чудовища, мы различаем лишь смутную тень самого Г. Б—на, а там, где перед его духовным оком раскинулась величественная панорама «великого дела», мы улавливаем лишь странные галлюцинации явно нездорового происхождения. Оговоримся, однако, что наше противопоставление относится вовсе не ко всякому мнению Генриха Б—на. Многие его суждения, отделенные от воинственно-наступательных ухищрений нашего любезного автора, не вызывают никакого протеста здравого смысла. Они-то и порождают опасение, что обманутый ими читатель примет на веру всю сумму взглядов Генриха Б—на и окажется в положении того генерала из «Капитанской дочки»,

который пытался выяснить у Гринева значение слов: «держат в сжовых рукавицах». Генрих Б—н дает на современные проблемы очень звонкие, отнюдь не штампованные ответы, но очень часто они состоят лишь в отдаленном родстве с воззрениями нашей партии и комсомола.

Но к делу.

К чему сводится содержание статьи Г. Б—на? В ней содержится ряд истин, которые не могут быть оспариваемы и которые не являются Америкой, открытой т. Б—ном. К ним, прежде всего, относится указание на то, что малые дела эпохи органического строительства социализма (Г. Б. говорит попросту—нашей эпохи), служба делу революции и делу социализма, заключают в себе немалое величие и, в конечном своем итоге, являются всемирно историческим явлением. Сюда же относится и справедливое недоумение по поводу тех активистов, которые не понимают первоочередности проблемы сочетания «культурничества» и политики, которые видят в «культурничестве» осквернение своих коммунистических одежд. «Жрецы ль у вас метлу берут?»

Все это, хотя и не ново, но поставлено в вину Г. Б—ну никак быть не может.

Но Генрих Б—н не останавливается у черты, которая ставится его рассуждениям общепринятыми (не правда ли, как по-мещански, как убого звучит это словечко, т. Г. Б.?) взглядами партии. Иначе он не выполнил бы своей задачи борца с «бюрократизмом» и т. д. Тов. Б—н начинает обвинять в «казенности» и «дешовке», в «нежелании допустить полновесного осуществления политической активности масс» неведомых анонимных недоброжелателей, искусно, однако, противопоставляя их «массе», «массе» и в сотый раз «массе».

«Масса хочет быть активной, масса хочет жить большой политической жизнью»,—категорически восклицает Г. Б. «Пусть только будут для этой великой энергии найдены достойные пути, свободные от бюрократической опаски, слепоты и ограниченности. Тогда массы «воочию покажут миру, что это за эпоха, в которую мы живем и побеждаем».

Заметьте, что оказывается «достойные пути» еще не найдены. Заметьте, что из-за «бюрократической опаски, слепоты и ограниченности» массы еще не показали воочию миру, что это за эпоха» и т. д. Нужно же было Генриху Б—ну в начале статьи утверждать, что задача состоит «в устранении тех погрешностей руководства, которые этот выход претраждают и сужают». Какие это погрешности, если из-за них массы не имеют «достойных путей», если они не могут «показать воочию миру», если Генрих Б—н должен защищать Н. Чаплина для того, чтобы даже последнего не слопали каннибалы бюрократизма.

Да это «беспримерная конфузия», а не руководство.

Хитрый Генрих Б—н только улыбается нашему неумеренному рвению.

Несколько раз уже делались открытые попытки огульно охаять руководству, и всегда масса ударяла по рукам непрощенных адвокатов. Стоит ли после этого чересчур откровенничать? Не лучше ли подкапываться «тихой сапой», не подавая и вида, что ты против руководства в целом, что тебе не по вкусу генеральная организационная линия партии?

II

Генрих Б-н не ограничивается общими обвинениями. Нет, он точно и настойчиво перечисляет те статьи закона, по которым «руководство» никоим образом не заслуживает снисхождения.

Первый обвинительный пункт заключается в том, что «руководство» не использует политической активности масс.

«Ячейка обсудит, решит и — точка», — пишет Г. Б. — Машина руководства продолжает двигаться «само по себе». А где же остались предложения и решения ячейки? — В протоколе остались. Кому же охота «проявлять активность» на холостом ходу, вращать тяжелый жернов, если он ничего не перемалывает, рубит топором по пустому месту?»

Но, ведь, по словам того же Г. Б. «идет и другой процесс — процесс... политического сознания масс». Мыслим ли этот процесс при условии, что руководство только и делает, что пускает по ветру «политическую активность масс»? Не является ли он объективным отражением той политическо-культурной работы, той организации масс, которую «достойными путями» проводит руководство, т.е. партии?

Мы думаем, что иначе и быть не может.

В массах вовсе не происходит какой-то процесс, который находится в стороне от работы политических организаций рабочего класса. Деление исторического процесса в целом на какие-то этапы, живущие обособленной жизнью, совершенно ничемно. Позиция класса определяется во взаимодействии с другими классами. Позиция масс и их политическое состояние коренным образом зависит от позиции и политического состояния авангарда. Это признает и Генрих Б-н, пытающийся даже плясать от этой палки свой неуловимый танец. Следовательно, нужно признать, что политическое сознание заострено против руководства, что авангард перестал быть авангардом (о чем бесплодно каркают все меньшевистские вороны), или что политический рост масс является показателем правильного руководства, верной политики авангарда.

Третьего не дано.

Мы думаем, что тянуть зауспокойную теперешнему руководству совсем нечего. Именно сейчас кристаллизовалось такое руководство, которое наиболее прочные корни пустило в массу, которое эту массу представляет наиболее чутко и умело.

Было бы самообольщением утверждать, что мы уже совершенно распростились с отдельными погрешностями. Но это вытекает не из того, что не найдены «достойные пути», а из того, что эти найденные и занесенные на нашу политическую карту пути лежат в стране с безобразными средствами сообщения, что пути эти пролегают через консерватизм, невежество и косность. Трудность этих путей вовсе не оправдывает конкретных погрешностей. Наша партия стремится к тому, чтобы даже в этих дьявольских условиях избавиться от тяжело отзывающихся на деле революции ошибок и недостатков. Но бороться с ошибками нужно, исходя из правильного подсчета, исходя из реальной политической арифметики и, если хотите, алгебры, но не из произвольных кавалистических формул средневековой алхимии.

Второй смертный грех, который вызвал целую бурю возмущения у нашего энергичного автора, заключается в «дешевке», которой кормят нашу молодежь и массу вообще.

«Читателю подсовывают, например, сборник цитат из Ленина. Ты хочешь знать Ленина? Получи сборник цитат. Нет, извините, сборник ленинских цитат, это — не Ленин. И это — не ленински. Марксизм-ленинизм не в том состоит, чтобы вырывать цитаты из общей цепи фактов, действительности, теории. Это не марксистский, не-ленинский *метод* изучения и воспитания. Это — «метод» «дешевки».

«Я не знаю, как преподают политические науки в наших высших учебных заведениях. Надо надеяться, что там, если, скажем, изучают полемику Бухарина с «австрийской» школой, то рекомендуют почитать, например, Бем-Баверка. Но для более рядовых людей, в том числе и для «середняков-активистов» такой роскоши не полагается».

«Например, в одном, тоже марксистском, кружке его участники хотели разобрать какую-то книгу, программой не предусмотренную. Руководитель не пошел навстречу этому желанию. Правда, дело шло, кажется, о книге т. Преображенского («Новая экономика»), но, во-первых, книга издана Ком. Академией и вероятно для того, чтобы ее обсуждали, во-вторых, сам руководитель говорил об «ошибочные теории» т. Преображенского, не разъяснял, однако, в чем именно дело, несмотря на требования слушателей; в-третьих, автор данной статьи (неважно каких политических мнений он сам придерживается) может со своей стороны спросить такого руководителя: как же вы думаете всерьез вести идейный поединок с единомышленниками тов. Преображенского, не вооружая своих «воспитанников» знанием того, что думает и говорит противник (а такое знание дается лишь путем изучения подлинника)?»

Перед нами как бы некоторая лестница взглядов т. Г. Б., каждая ступенька которой ближе и ближе подводит нас к их политической первооснове.

Начинает т. Г. Б. перекрестившись, то-бишь, упомянув Ленина. Тов. Г. Б. недоумевает, кому нужны цитаты из Ленина. Что за несусальная мысль рекомендовать, вместо прочтения собрания сочинений В. И., сборник цитат?

Мысль была бы, действительно, нелепой, если бы цитатами пытались подменить Ленина в целом. Попытки такого недостойного жонглирования цитатами при споре о строительстве социализма в одной стране имели место. Т.т. Зиновьев и Троцкий, вопреки всему духу ленинского учения, пытались искусно подобранными цитатами навязать ему пораженческую, капитулянтскую идеологию. Партия осудила и отвергла эти небольшевистские попытки.

Но всегда ли сборник цитат бесполезен? Мы думаем, что пренебрежение к хрестоматиям, к сборникам «цитат», в широком смысле этого слова, рождается на том основании, что наличные хрестоматии зачастую плохи. Но, ведь, Ленина нельзя приблизить к широкой массе, если не облегчить его по объему, если не выделить главное, если не отказаться от требования прочитать обязательно все 25 томов. Мы полагаем, что хороший сборник избранных мест из Ленина, толковая хрестоматия по любому вопросу марксизма — излишние может быть для высококвалифицированного читателя — с пользой будут употреблены нашим молодежком. Но это замечание частного порядка.

Гораздо серьезнее два последующие обвинения: почему мы не знакомим молодежь с врагами в подлиннике? Почему мы не

включаем в программу школ политграмоты и т. д. всех произведений оппозиции?

С таким же успехом можно поставить и более широкий вопрос — почему у нас нет полной свободы печати? Ведь, несомненно, буржуазные и соглашательские газеты служили бы наилучшей иллюстрацией для соответствующих политических занятий. Да, потому, что мы вовсе не занимаемся пропагандой и агитацией тех взглядов, которые с нашей точки зрения исторически осуждены на крах, которые уже отвергнуты фактами исторического развития. В первую голову, в первую очередь, нужно заботиться не о том, чтобы молодой рабочий и крестьянин наслаждался духовным общением со всякого рода меньшевистской слякотью, а в том, чтобы наша коммунистическая литература и устная пропаганда были достаточно ярки и популярны.

Значит ли это, что никому и никогда не нужно знакомиться с врагом по подлиннику? Конечно, нет. На определенной ступени политического формирования такой материал становится необходимым. Но он может быть только вредным, если мы некритически начнем поощрять интервенцию меньшевистских книжонки и книжек в среду нашей молодежи.

Теперь об оппозиции.

Известно, что печатные выступления оппозиции доступны всем и каждому. Но нужно ли изучать историю Октября по «Урокам Октября» тов. Л. Д. Троцкого или современную советскую экономику по «Новой экономике» т. Е. А. Преображенского? Эти книги окажутся негодными, уводящими в сторону от большевистской теории учебниками. Имеем ли мы право предоставлять в программе школ первенство большевистски правильным пособиям? Конечно, имеем.

«Уроки Октября» Троцкого, «Ленинизм» Зиновьева, «Новую экономику» Преображенского нужно читать, изучая ошибки оппозиции, но надо читать после того, как проделана *основная* работа по усвоению *основных* взглядов партии.

Мы не хотим защищать того руководителя марксистского кружка, который воспротивился желанию слушателей почитать «Новую экономику», произведения, состоящего в очень отдаленном быхолаливать политграмоту, низводя ее до повторения «аз-буки-веди». Но не знаменательно ли, что логическая цепочка рассуждений Г. Б.—на проводит его от защиты Ленина (от широкого читателя, которому трудно начинать с собрания сочинений) к защите «Новой экономики», произведения, состоящего в очень отдаленном родстве с ленинизмом?

III

Г. Б.-и не только обвиняет, он, как подобает обвинителю, намекает и насчет «мер наказания». «История,—провозглашает он,—жестoko карает руководство за такие «ошибки», за малейшее идейное разоружение, малейшее снижение и размягчение политического сознания». Как же карает история? Мы насторожились и с замيرانьем сердца приготoвились выслушать суровый приговор, но Г. Б.—и, смиростивившись, отпустил наши души на покаяние. «Это не есть тема данной статьи»—лаконично отвечает он на свой вопрос.

Мы ответим за Г. Б.—на.

Если бы в политической практике нашей партии, нашего комсомола и т. д. преобладающим моментом являлись «дешевка», и «принижение сознания» и т. д., то одно из двух: или мы имели бы дело с перерождением партии, или мы, еще до завершения этого процесса, вступили бы в конфликт с собственным классом. И то, и другое, в конечном счете, означало бы небывалый провал революции, небывалое поражение социализма.

Но мы, не отрекаясь от того, что и «дешевка», и «принижение сознания» у нас имеют место, не можем, в угоду т. Г. Б.—ну закрыть глаза на одновременный гигантский рост сознания рабочего класса в целом, на значительные успехи теоретической мысли в нашей партии, на выдвижение значительных кадров теоретического молодняка. Мрачные намеки т. Г. Б.—на поэтому не повергают нас в уныние. Мы можем выразиться словами Л. Н. Толстого о Леониде Андрееве: «Он пугает, а мне не страшно».

Статья т. Г. Б.—на кончается целым гимном в честь «эпохи бурь». В честь «политической энергии масс, рвущейся наружу», а в тексте статьи мы находим мрачные, пессимистические намеки, пророчащие гибель революции.

Чем объяснить такое несовпадение?

Ларчик открывается просто. Все ссылки на массу, все доводы от массы нужны Г. Б.—ну именно для обоснования своей пессимистической позиции к «руководству». Но концы перепутались и Генрих Б.—н на одной странице парировал удары Генриха Б.—на, направленные против большевистской системы страницей раньше.

В самом деле, что означает пресловутое подчеркивание того, что мы живем не в эпоху «малых дел», а в «эпоху бурь», что стабилизация—явление кратковременное, и т. д. Мысль о том, что всякое малое дело, включаясь в цепь социалистического строительства, перерастает в дело большое—не нова и не требует такой истерической аргументации. Сам же Г. Б. возражает против того, чтобы по поводу постройки бани провозглашать победу социализма. Подчеркивания Г. Б. могут быть поняты лишь, как противопоставление *малых дел большому*. Не в малых-де, соль скрыта; не мирная эпоха перед нами, а бури и т. д. То, что революция развивается, то, что эпоха наша в целом это—эпоха пролетарских революций, нам давно известно. Но разве данный исторический отрезок времени, как бы он кратковременен ни был, не имеет специфических черт передышки, «гражданского мира», «малых дел», в условном и ограниченном смысле этого слова? У нас на театральных подмостках и в литературе («Голубые города» А. Толстого, «Евграф—искатель приключений» Файко и т. д.) в последнее время стали выводить искателей, романтиков, которые гибнут оттого, что не в силах постигнуть величия революции на новом ее этапе. Эта гибель происходит вовсе не от того, что они за малыми делами забыли о великом революционном долге, а потому, что этот долг они не сумели воплотить в конкретном, сильном, «малом» деле. Нам думается, коренная задача нашей агитации и пропаганды на ближайший период вовсе не в том, чтобы вздыхать о величии эпохи в целом, а в том, чтобы это величие раскрыть в конкретных проявлениях сегодняшнего дня.

«Социализм надо протаскивать в повседневную жизнь». Социализм вовсе не является превращением общества в земной рай под дыханием какой-то созидательной бури. Нисколько. Социализм—медлительный процесс, целая цепочка отдельных сдвигов и побед до полного проникновения во все уголки жизни. Эпоха наша

велика именно тем, что даже эти незначительные, бессмысленные в иной исторической обстановке, сдвиги в наших условиях включены в величайший по своему размаху план перелицовки мира.

Тов. Г. Б.—и оказался неверен своему главному замыслу, когда во второй половине статьи упорно и подробно убеждает в необходимости «культурничества». Ведь, это-то и есть специфическая черта данного периода, периода «гражданского мира» нашей «эпохи бурь». Ведь, если говорить о «культурничестве» во время бури, то можно с таким же успехом пропагандировать чтение «Лекций об искусстве» И. Тона во время кораблекрушения!

Раздел статьи т. Г. Б. о культурничестве, если исключить неприятные интонации при упоминании о массах и руководстве, является, пожалуй, показателем того, что у нашего автора не всегда мысль находится под властью навязчивых идей о «бурях», «достойных путях» и т. п. Но именно этот раздел статьи обнажает беспочвенность позиции Генриха Б.—на по вопросу о характеристике переживаемого нами исторического периода.

Укажем, еще на одну «непоследовательность» в изложении Генриха Б.—на. Признавая «кратковременность» стабилизации и характеризуя нашу эпоху, как «эпоху бурь», он даже не попытался подойти к проблемам строительства социализма в нашей стране. Это не тема нашей статьи—возражит Г. Б.—и. Но мы спросим, как можно определять направление воспитания молодежи и т. д. без исходной точки? Как можно говорить о методах вооружения против врагов, не обозначив на политической карте расположения классовых сил? Как можно говорить о политических опасностях, не упоминая главнейшего источника всяких опасностей и колебаний — нашего мелкобуржуазного окружения?

Это сделано не напрасно.

Если бы Генрих Б.—и пытался заговорить на все эти темы—то оказалось бы, что главная линия борьбы протекает в другом направлении, что смутить рабочего может, в первую очередь, не Бем-Баверк, восставший из гроба для споров с ним, а неотвязная сложная и усложняющаяся политико-экономическая обстановка; что именно Е. А. Преображенский и др., независимо от своей воли, прилагают все усилия для того, чтобы запутать этого рабочего между трех сосен, что именно теперешнее руководство ведет наиболее последовательную и прямолинейную борьбу со всякими колебаниями и шатаниями, отражающими колебания и шатания мелкобуржуазной стихии.

Все это не по нутру Генриху Б.—ну...

В прошлый раз он восставал против руководства потому, что де у него за душой одни родословные (см. № 2 «Ю. К.» и ответ в № 3), теперь он пытается подробной аттестацией развешать политическую линию руководства.

Надежды на успех останутся ничтожными попрежнему.

Слишком вырос, созрел и политически закалился рабочий класс, и в том числе его молодежь, пользуясь иногда даже презренными сборниками цитат, которые так третирует просвещенный Генрих Б.—и, чтобы в доступной и облегченной форме овладеть хотя бы основными элементами ленинизма. Современное руководство не стало дожидаться, пока каждый сумеет прочесть полное собрание сочинений В. И. Ленина. Можно поставить это ему в вину, но повернуть вспять к берегам бесплодных дискуссий рабочий класс уже нельзя.

Труд молодежи в Китае

В Китае около пяти миллионов промышленных рабочих и от семи до десяти миллионов человек, работающих у кустарей. Примерно около половины этого огромного количества составляет молодежь. Что в Китае пролетариат эксплуатируется гораздо больше, чем в любой другой капиталистической стране, — известно всем. Не даром существует поговорка: «беден, как китайский кули» (носильщик). А рабочая молодежь, которая идет на производство с самого юного возраста, находится в гораздо худших условиях чем ее взрослые товарищи.

Как ни парадоксально может это показаться с первого взгляда, но самая тяжелая обстановка работы существует на концессионных предприятиях Северного и Среднего Китая, принадлежащих англичанам, французам и японцам. Все описания и доклады, которые делались по этому поводу, бледнеют перед той ужаснейшей действительностью, которая открывается глазам внимательного наблюдателя.

Если посетить расположенный вокруг Шанхая промышленный район, производственные методы и условия труда которого до захвата его Народной армией, были типичны для всех остальных фабричных центров китайского севера, и осмотреть город, этот важнейший центр торговли и промышленности Дальнего Востока, который в разворачивающихся теперь событиях является также важнейшим стратегическим пунктом, — то сразу приходится убедиться в том, что немного еще найдется на земле таких городов, где социальные противоречия были бы так ярко выражены и обострены, как в Шанхае.

Этот город с огромными зданиями банков и торговых домов, с роскошными гостиницами и увеселительными заведениями, где богатые рабовладельцы чувствуют себя господами всего края, таит в рабочих кварталах своей восточной и северной части нищету и убожество, не поддающиеся никаким описаниям. Носители европейской цивилизации, гордящиеся своей высокой техникой, и не помышляют вводить эту технику на своих предприятиях в Китае, ибо им гораздо выгоднее работать не машинами, а людьми там, где в рабочих руках имеется огромный избыток и они так дешевы.

Заработная плата китайского рабочего так низка, что он не может прокормить своих детей и сплотив и рядом вынужден буквально продавать их на те же заводы. Жалование рабочей молодежи еще меньше, чем у взрослых рабочих. Его хватает лишь на то, чтобы не умереть с голоду. Шестнадцать и восемнадцать часовой рабочий день — это обычное явление, а на некоторых фабриках даже нет воскресного отдыха. Обращение самое зверское. Надсмотрщики и управляющие просто бьют рабочих, а особенно ребят за малей-

шую провинность или за перерыв в работе, а перерывы эти частенько случаются, когда от усталости и истощения юноша засыпает тут же у машины, будучи не в силах бороться со своей слабостью. Кроме того, у машин нет никаких предохранительных приспособлений и ребята то и дело попадают туда. Если их не убивает на смерть, то отрывает им руку или ногу, калечит их, делает уже с этого возраста инвалидами. Конечно, ни пенсии, ни даже пособия на лечение от хозяев они не получают. Какое тут лечение, когда 90% всей молодежи больны туберкулезом и другими болезнями или искалечены. Уберечься от заболеваний невозможно, когда в мастерских воздух слишком нагрет и полон всяких испарений, пыли и всяких специальных веществ, на спичечных фабриках — селитры и серы, которые с дыханием попадают в легкие. Вентиляция очень недостаточна, дети отравляются уже одним воздухом, помещения плохо убираются и приходится есть и отдыхать тут-же, на грязном каменном полу.

Эти условия, относящиеся, главным образом, к Шанхаю, мало отличаются от условий, существующих в остальных промышленных районах Среднего и Северного Китая. Напротив: из числа рабочих Пекинской химической фабрики не менее 95% составляет самый юный пролетариат в возрасте до 17 лет, который работает с 4 час. утра до половины девятого вечера с одним только обеденным перерывом в 10 минут. Они также не имеют воскресного отдыха и за свой 16-часовой рабочий день получают до 18 копеек, между тем как дневная плата взрослого рабочего равняется 40—45 копеек. Ядовитые фосфорные и серные газы, а также испарение других химических продуктов, действию которых подвергаются легкие рабочих, незащищенные предохранительными мерами, в короткое время разрушают здоровье пролетариев. Ежедневно свыше 80 человек должны обращаться в больницу за первой помощью. Многие страдают «фосфорной ржавчиной» и особым разедающим кости лица отравлением фосфора, которое вызывается при переработке скверных и неочищенных химикатов, предприниматели отказываются заменить их более доброкачественным сырьем, так как это естественно уменьшило бы их прибыль.

Характерно еще положение на Пекинских ковровых фабриках, занимающихся выделкой настоящих персидских ковров для украшения домов американских и европейских миллионеров. Из 12.000 юношей в возрасте до 20 лет только взрослые мастера получают 11 руб. в мес., а все остальные должны удовлетвориться платой в среднем 4—5 руб. в мес.

При 16½-часовом рабочем дне (с половины шестого утра до десяти вечера) дается всего, тридцати минутный перерыв на еду и отдых. В течение первых трех лет юноши работают в качестве учеников и, кроме харчей, никакого жалованья не получают. Это является, конечно, чистейшим надувательством со стороны хозяина, ибо молодым рабочим, проработавшим несколько недель, уже нечему дальше учиться, и они должны почти задаром работать 3 года на своих эксплуататоров, которые, конечно, по истечении этого «срока обучения» выбрасывают их на улицу, где они становятся кули или рикшами и добывают себе на жизнь 15—20 коп. в день, хотя в среднем заработок 50.000 пекинских рикш держится обычно еще ниже этой цифры.

В то время, как на ковровых фабриках работают юноши, на пекинских шелковых фабриках как рабочий материал главным

образом применяются девочки, которые за 12-часовой рабочий день зарабатывают 25—30 копеек.

В наполненных горячим паром фабричных помещениях их малевькие руки с поразительной ловкостью выхватывают из кипящей воды шелковичные коконы, при чем незащищенные руки и глаза подвергаются вредному действию водяных паров. Из-за отсутствия какой бы то ни было врачебной помощи или наблюдения, обычно 30% всего рабочего персонала страдает глазными болезнями, но все же, из боязни голода и безработицы, девочки в большинстве случаев продолжают работать почти до полной слепоты.

Еще несколько слов о положении в мастерских химической чистки. Их персонал состоит из подростков до 15-ти лет, которые нанимаются на три года через своих агентов-посредников. При 14-часовой тяжелой работе они едят и спят в сырых мастерских и получают по трехгодичному контракту всего 100—110 руб., при чем обычно они еще довольны, если агент предлагает им продлить или возобновить их контракт.

Все буржуазные благотворительные организации, как американский Красный Крест или Международный Союз Христианских Молодых Людей, посылавшие в последние годы специальные комиссии по обследованию в китайские фабричные центры, доклады которых даже в капиталистических странах вызвали шум возмущения, так что парламены должны были заняться этим положением, так явно обнаруживающим истинную физиономию капитализма, — эти все организации ограничиваются бумажными протестами и бессодержательными резолюциями. К настоящей борьбе против капиталистов-эксплуататоров эти содержимые буржуазией союзы тем не менее способны, поскольку они пользуются поддержкой международного капитализма.

Этой чудовищной системе эксплуатации иностранного капитализма, которому удалось держать в долгом рабском угнетении народ в 450 миллионов человек, революционное народное движение севера явилось смертельным врагом. Когда европейские и американские капиталисты, ссылаясь на «святость» своих концессионных прав, тех самых прав, которые разрешали им выколачивать прибыль из костей китайской рабочей молодежи, потребовали от Кантонского правительства признания их привилегий, то оно ответило аннулированием всех иностранных концессионных прав, находящихся на территории власти революционной народной армии.

В Кантоне и во многих других промышленных городах Северного Китая, по примеру Советской России, был совершенно запрещен детский труд, а найм юношей на фабрики подчинен строгим контрольным предписаниям.

Вполне естественно, что в таких условиях работа комсомола была чрезвычайно трудна. Вся эта масса неорганизованной, голодной и забитой молодежи, чья жизнь распределяется между работой и сном до последних событий в Китае, еще очень туго поддавалась коммунистической пропаганде. Поэтому в первый период своего существования комсомол на 80% состоял из студентов. Необходимо заметить, однако, что китайское студенчество всегда было очень революционно настроено, и в национально-освободительном движении, начавшемся в 1921 г. против империализма, студенты стояли во главе многих выступлений и стояли очень близко к рабочему классу. В 1925 и 1924 г.г. они устроили по всей стране ряд

студенческих забастовок, требуя свободы слова, печати и собраний. В своих резолюциях студенты провозглашали борьбу с империализмом и единый фронт с СССР. Естественно, комсомол принял участие в студенческом движении и стал его вождем. В середине 1925 г. Китайский комсомол насчитывал 3.000 членов, при чем $\frac{4}{5}$ всего этого количества составляло студенчество и всего $\frac{1}{5}$ — рабочая молодежь. К октябрю мес. того же года численность союза возросла до 4 тысяч, к концу года — до шести тысяч, в апреле 1926 года она превзошла 10.000, а в октябре 1926 года равнялась уже 12.000 чел., причем студенты уже составляли только 43%. Такой рост союза был возможен потому, что Китайский комсомол имеет значение в своей стране не только как организация рабочей молодежи, но прежде всего как одна из самых крупных революционных сил, которая руководит общим рабочим движением и участвует в национально-освободительной борьбе против иностранного империализма. В условиях общего революционного подъема союз расширился и укрепился. Социальный состав его улучшился, т. к. новые члены, прибывшие в союз, были в своем огромном большинстве пролетариями. В последнее время значение студенчества несколько уменьшилось, т. к. в его среде стали появляться реакционные группировки. Пробуждающееся классовое сознание молодых рабочих и вступление их в подлинно революционную организацию — комсомол — избавляет их от необходимости иметь руководителей со стороны и отодвигает авторитет студентов — который действительно стоял высоко — на втором плане. Теперь рабочая молодежь может самостоятельно выступать со своими требованиями и защищать их. Поддержка и помощь студенчества, конечно, имеет большое значение, но она уже не является основным фундаментом этой борьбы, как раньше. А борьба растет и крепнет.

В то время, как всего несколько лет тому назад рабочая молодежь требовала только, чтобы ее не избивали надсмотрщики на работе и чтобы ей незначительно был сокращен рабочий день, теперь уже выдвигаются определенные разработанные лозунги борьбы за полное запрещение работы детей до 13 лет и ночной и опасной работы для подростков вообще, за 8-ми часовой рабочий день для юношей до 16 лет, за равную со взрослыми оплату равного труда, за лучшее обращение и т. д.

Комсомол стал массовым пролетарским союзом, и организация его основана почти целиком на производственных ячейках. Конечно, свою работу среди студенчества союз продолжает вести, так как в Китае имеется шесть миллионов студентов и из них добрую часть можно и нужно завоевать для участия в революционной борьбе.

Кроме того, комсомол стремится использовать вообще всякие организации, стоящие в оппозиции к империализму. Так он руководит рядом анти-христианских союзов, которые борются с христианскими школами и с деятельностью миссионеров. Цели, которые преследуют эти школы и миссионеры, клонятся к тому, чтобы внушить молодежи христианское смирение, ослабить в ней чувство национальной независимости, чтобы дать таким образом иностранному капиталу возможность все больше захватывать Китай в свои лапы. Анти-христианское движение выражается в студенческих забастовках, демонстрациях, митингах, издании и распространении листовок и т. д. Студенты требуют закрытия церквей, миссионерских школ, прекращения проповедей смирения и империалистиче-

ской пропаганды. И комсомол поддерживает это движение и принимает в нем деятельное участие, как и во всяком движении, направленном против империализма.

Китайскому комсомолу предстоит сделать еще гораздо больше того, что уже сделано. Ему нужно вовлечь в свою организацию еще десятки тысяч молодых пролетариев, приблизиться к крестьянству и организовать деревенскую рабочую молодежь. Необходимо воспитать рабоче-крестьянский комсомольский актив для пропагандистской и организационной работы. Недалек тот период, когда национально-освободительное китайское движение может превратиться в гражданскую войну трудового народа с собственной китайской буржуазией, и комсомол вместе с компартией должен будет стать во главе революционного пролетариата. Подготовиться к этой роли вождя, чтобы достойно выполнить ее, укрепиться заранее, еще больше впасти в основную толщу рабочей массы, — вот задача ближайшего времени.

Борьба за идеологию и Советский Восток

В национальных республиках и областях Советского Востока в течение последнего года, в особенности за последние месяцы, вопросы и проблемы идеологии заняли не только определенное место в порядке дня пленумов крайкомов, нац. ЦК, обкомов и даже партконференций, не только по этим вопросам развернулись порою страстные прения, но они стали основными и центральными вопросами работ нацпарторганизаций на ближайшее время.

Вопросы идеологии ставились перед нашими парторганизациями не только в связи с задачами агитпропабыва или партрукводства молодежью, но и как самостоятельный пункт повестки дня или как стержневой вопрос проблемы организации советского и партийного аппарата. Так или иначе, но этот вопрос занял центральное место работы и политики парторганизаций Советского Востока, создавая советское общественное мнение вокруг него.

Здесь мы должны оговориться, что в течение предыдущих лет отдельные вопросы идеологии ставились перед партийными организациями нацобразований. Как же они не могли быть не поставлены? Разница постановки вопросов идеологии прежде и теперь заключается в том, что прежде эти вопросы ставились на обсуждение партийных организаций и советской общественности от случая к случаю, от одной кампании к другой, большей частью эпизодично, тогда как теперь вопрос ставится в порядке систематического планомерного оформления пролетарской идеологии и борьбы с наступающей националистической идеологией. *Поднятый вопрос борьбы на идеологическом фронте связан с наступлением националистической идеологии, которая не только оформляется среди «некоторых групп интеллигенции», создавая анти-пролетарские настроения, но*

«Самым худшим является то, что эти настроения проникают и в нашу партию, влияют на некоторых товарищей, особенно слабых, колеблющихся, которые под влиянием националистических настроений начинают отражать чуждую пролетариату идеологию и т. д.» («Правда Востока» от 7/1—1927 г., № 6, статья тов. Икрамова). (Курсив автора—А. А.).

Совершенно очевидно, что «успех» националистов рассчитан на отсталые слои нацдеревни и аулов и в первую очередь на молодежь. Однако, об этом несколько позже.

Прежде чем перейти к основному вопросу по существу, мы должны осветить два вопроса:

1) Анти-пролетарская по существу, «национальная» по форме идеология оформляется только теперь или она имела корни и в прошлом, во время гражданской войны? Почему именно сейчас, в данное время, прошла волна нечто вроде кампаний по борьбе с

националистической идеологией от Украины через Поволжье и Кавказ до Средней Азии?

2) Какие причины легли в основу этого явления?

Нам кажется, что совершенно нецелесообразно повторять марксистскую истину о том, что нет нейтральной идеологии, что идеология не может быть аполитичной. Идеологическая борьба во время гражданской войны не могла занять решающий участок фронта. Да, пожалуй, этот участок борьбы был менее опасным и серьезным тогда, когда исход классовой борьбы зависел от сплоченности пролетариата, организованности его, боеспособности Красной армии и проч. Теперь же, на данной стадии развития нашего социалистического хозяйства, соотношения классовых сил, при «мирном» сожителстве Советского Союза с капиталистическим миром, фронт идеологии принимает решительно определяющее значение. На эту сторону вопроса обратили внимание все представители и группы анти-советского мира. Разница в борьбе лишь в вопросе тактики и откровенности. Мы считаем совершенно уместным привести признание украинских националистов по этому вопросу:

«Милитаристически обезоруженные, мы ухватились за оружие, которое во время физической борьбы почивало на лаврах.

Оружие — крепкое, сильное, непобедимое — национальное искусство».

Что важно в этой «программе-минимум» националистов? Во-первых, то, что враг нащупывает слабый участок фронта борьбы, где силы только сталкиваются в решительной схватке, во-вторых, то, что убедившись в силе Красной армии, потерпев поражение на открытом фронте классовой борьбы, националисты сейчас не возлагают больших надежд на интервенцию и проч.

Одно нам важно, что откровенность украинских националистов приоткрывает занавес мыслей и намерений всех националистических групп, к какой бы национальности или масти они не принадлежали.

Действительно, полоса кампаний на фронте идеологии в областях и республиках показывает, что анти-советские партии и организации сосредоточивают все свои силы на этом участке борьбы. Можно, конечно, с украинскими националистами согласиться, что они во время физической борьбы как бы «упустили» фронт идеологии. Однако, этого сказать по отношению к националистам народов Советского Востока нельзя, ибо там в силу специфических условий (отсталость национальных крестьянских масс, остатки авторитетного начала, фанатизм и проч.) фронт идеологии также сыграл некоторую роль во время гражданской войны. Конечно, это деталь, которая сама по себе вопроса не снимает. Одно необходимо с твердостью констатировать: *националистическая идеология единым фронтом наступает*.

Где нужно искать причины этого?

«С наступлением революционных будней (затишья) национальная буржуазия начинает оживать и в настоящий момент даже пытается переходить в наступление» (курсив текста Ст. т. Икрамова, «Пр. Востока» 7/1 — 1927 г. № 6).

На почве непа национальная буржуазия города и в частности деревни проявляет определенную активность. Итоги последних политических кампаний, в частности пере выборы в советы, показали, что кулачество национальной деревни и аулов проявило

серьезную активность. Об этой активности говорит секретарь ЦК Узбекистана тов. Икрамов.

Это наступление основано, с одной стороны, некоторым экономическим усилением зажиточных слоев и кулачества в деревне, с другой стороны — объективными условиями наших затруднений и, с третьей — частичной слабостью наших организаций на местах. Безосмыслен тот факт, что часть националистической интеллигенции, будучи связанной в той или иной мере с эмигрантскими политическими партиями, «помогает» нарождающейся национальной буржуазии. Мы не будем загромождать статью обширными цитатами для подтверждения этой нашей мысли. Ограничимся только указанием на речь тов. Багирова на XVI Бакинской партконференции. Он там, указывая на наличие связи между националистами и эмигрантами, зачитывал полученную «инструкцию» о внепартийном воспитании. Эта инструкция выработана контрреволюционной партией муссаватистов.

О том, что для работы анти-советских партий и националистов существует некоторая почва в нацорганизациях, указывает недавнее постановление Закрайкома ВЛКСМ, утвержденное президиумом Закрайкома ВКП(б). Мы считаем необходимым привести эту часть резолюции полностью, заявляя, что указанные в цитате объективные и субъективные условия в той или иной мере, если не целиком, повторяются и в других национальных образованиях.

«Противные нашей партии и союзу анти-советские националистические мелкобуржуазные партии (дашнаки, меньшевики, массаваисты) всячески используют как объективные условия, в каковых находятся некоторые слои рабочих, в особенности служащей и учащейся молодежи (безработица, безпризорность, недостаточность сети образования, переживаемые хозяйственные затруднения), так и субъективные условия (неумение ориентироваться в создавшейся обстановке, идеологическая слабость некоторой части комсомольцев и т. д.) в целях влияния на молодежь в целом, а также на неустойчивые слои комсомольцев, желая этим самым нанести организационный и идеологический удар внутренними силами самой комсомольской организации». («Заря Востока» от 18/III 1927 г. № 1429).

Если объективные условия могут быть постепенно ликвидированы в течение целого периода времени в зависимости от успешности проведения планов индустриализации страны, то в вопросах субъективного порядка наши местные партийные и комсомольские организации не проявили достаточной активности, инициативы и организованности. *В результате всей суммы указанных причин мы имеем сегодня не только наступающий национализм за пределами нашей партии и комсомола, но и частичное проникновение националистической идеологии в партию и в ряды комсомола.*

XII пленум Средне-Азиатского Бюро ВКП(б) в своих постановлениях подтверждает вышеуказанную нами мысль:

«Пленум отмечает некоторое оживление нового националистического уклона в партии (иноглагольщины), прикрывающей свою национал-шовинистическую сущность лево-радикальными фразами и требованиями и представляющей собою выражение чаяний и стремлений радикальных элементов буржуазии и байства в кишлаках, с одной стороны, и упадочных настроений, разоряющегося кулара и ремесленника —

с другой». (Резолюция и постановления XII пленума 24—27 января 1927 года, стр. 6):

Совершенно бесспорно, что этот уклон в данное время является наименее серьезным и весьма опасным, что решительная борьба с таким проявлением крайне необходима.

Вопрос этим не исчерпывается. Работа анти-советских партий идет дальше по этому пути, создавая нелегальные организации и группировки среди комсомольцев.

«Выявившие себя за последнее время нелегальные группировки в Эриванской организации ЛКСМ Армении являются по своей сущности отражением влияния среди малосознательной незначительной части организации враждебных, компартии и комсомолу анти-советских партий (дашнаков, меньшевиков)». (Резолюция президума ЗКК ВЛКСМ об анти-коммунистических группировках в ЛКСМ Армении).

Если нелегальная группа комсомольцев Эриванской организации объективно стала на путь дашнаков и меньшевиков, то другая группа, «ортодоксальных марксистов»,

«быстрее» перешла на явно меньшевистскую платформу, отрицающую социалистический характер Октябрьской революции. Она установила непосредственную связь с руководителями местных организаций меньшевиков, поставив себе задачей активную борьбу с большевизмом». («З. В.» от 18/III).

Мы привели только незначительное количество документов, указывающих, что у всех независимо от методов борьбы и работы националистов имеется единая установка. Мы думаем, что намерения азербайджанских националистов являются также намерениями и чаяниями всех анти-пролетарских, следовательно, и контрреволюционных групп.

«Основная цель этого воспитания (внепартийного воспитания муссаватистов в Азербайджане — А. А.): во-первых, укрепление идей независимости, во-вторых, идей обинения тюрков, в-третьих, воспитание ненависти к русскому руководству и, в-четвертых, общепартийная подготовка». (Речь тов. Багирова на XVI партконференции г. Баку).

В какой бы то ни было форме наступление националистической идеологии не выражалось, оно имеет одну основную задачу: борьба за молодежь, расстройство организованных групп коммунистической молодежи. А это в конечном счете означает размычку между русским пролетариатом и национальным крестьянством.

Прежде, чем перейти к иллюстрациям, указывающим, как «работа» национальной буржуазии, националистической интеллигенции и духовенства (последнее, главным образом, среди тюркотатарских народов и племен) прививается среди нашей молодежи вообще, среди неоформленных еще комсомольцев — в частности, мы должны указать на пути их работы. Существенную «помощь» в этом отношении оказывают националистам наши издательства. Речь идет о советских издательствах. Как объяснить этот парадокс? Конечно, на первый взгляд это покажется, может быть, странным. Тем более человеку, не знакомому с конкретной действительностью Советского Востока, в частности — отсталых районов его. Поэтому сделаем маленькое отступление.

Приведем чрезвычайно ограниченное количество цитат:

Пример первый. В начале 1927 г. в Средней Азии вышел сборник стихотворений на таджикском языке. Приводим отрывок:

«Бухара, восторжествуй, к тебе придет эмир,
Ты являешься небом, а эмир — луною.
И, как небо не может жить без луны,
Так Бухара не будет без эмира...
Эмир — это пальма.
Бухара — это сад.
Сад без пальмы быть не может,
Пальма придет к своему саду».

Пример второй:

«Если один мусульманин побежит от двух тиуров, то камнем нужно обрушиться на его голову (т.-е. убить)». (Стр. 223).

«Молитва богу (намаз) в могиле будет твоим светильником; вера в бога — орудием; пост (ораза) — верным товарищем. Помощь, которую оказываешь муллам и беднякам, будет твоим расчетом...» (Махтум-Кули. Собр. сочинений на туркменском языке. Изд. Туркменгиз. 1926 г.)¹.

Третий пример:

Теймур: «Как аллах — один, так и падишах (царь) должен быть один... (Гусейн Джавид. «Топал Теймур» на тюркском языке. Изд. Азерб. ГИЗ. 1926 г.).

Рамки статьи не дают возможности этот «букет» пополнить необходимым количеством цитат, чтобы дать более или менее представление о нагнетающей националистической (в конечном счете — анти-революционной) идеологии по линии печати.

Причина? — Прежде всего та, что в большинстве случаев в наших издательствах работали (отчасти и по сей день работают) литераторы, журналисты, враждебно относящиеся к пролетарской диктатуре и компартии. Об этом достаточно ярко говорил секретарь БК тов. Мирзоян в своем заключительном слове на XVI Бакинской конференции.

За отсутствием достаточного количества подготовленных, вполне выдержанных, теоретически подкованных людей в издательствах, фронт идеологии был предоставлен полулояльным элементам. Это — одна из причин.

Мы сознательно привели отрывок из письма партийца-туркмена о сборнике Махтум-Кули. Махтум-Кули, поэт и идеолог туркменских помещиков, эксплуататоров, по мнению нашего товарища, должен быть, воспитателем молодых туркменских поэтов и советской молодежи.

Читатель скажет, что это абсолютная неграмотность. Мы с ним согласны. Но факт остается фактом. Эти тогаринцы руководят

¹ Один товарищ-туркмен по поводу издания собрания сочинений туркменского писателя Махтум-Кули пишет нам следующее:

«Она (книга) ценна, как литературное наследие азнаменитого туркменского поэта, который пользуется громадной популярностью среди туркмен. Книга Махтум-Кули может оказать громадное содействие в деле обогащения весьма бедного, некультурного туркменского языка, с другой же стороны — может служить примером для туркменских современных поэтов».

издательством, работают по «руководству» печати... И это не единственный случай.

Следующий участок проникновения националистической идеологии: школа, воспитание.

«Рекомендуется преподавание географии направить в русло чисто националистического понимания—панисламистского, а преподавание истории использовать для того, чтобы воспитать в турецких детях могущество тюрко-татарских племен». (Инструкция муссаватистов, из речи т. Багирова на XVI Бакинской партконференции).

Добавлять еще что-либо к этой цитате едва ли надо. Число марксистов-педагогов на Советском Востоке весьма ограничено. Нельзя ведь забывать, что кое-где на Советском Востоке существуют наряду с советскими школами еще и мектебы. Факт остается фактом. Эти мектебы, против которых началась на пленумах нац. ЦК, крайкомов кампания, еще живут и «работают». Едва ли у кого возникнет сомнение в том «что мектебы воспитывают детей в духе панисламизма, пантюркизма».

О том, что работа националистов дает некоторые плоды среди молодежи вообще и комсомольцев в частности, показывают организации, группировки и вообще националистические настроения среди части молодежи Советского Востока.

Все проявления националистического характера среди подрастающего поколения условно можно разделить на три категории. К *первой* категории относятся те проявления среди молодежи, которые оформились как группы или организации с определенно оформленной анти-советской националистической идеологией. К *второй* категории относятся группировки религиозного характера и, наконец, к *третьей* категории — неоформленные выступления и группировки среди молодежи Советского Востока, создающие базу для дальнейшего оформления кружков и проч.

Рассмотрим *первую категорию* националистических проявлений. В качестве иллюстрации приведем группировки среди комсомола в Армении, Грузии и Азербайджане.

Во время дискуссии в 1923 году в Армении оформился «троцкистский союз молодежи». Эта, так называемая, организация, ставшая в то время на точку зрения оппозиции, постепенно оформилась и в 1924—25 г.г. «стала на открытую меньшевистскую платформу, порвав всякую связь с нашей организацией». Этот союз, прежде всего, вел нелегальную работу против компартии и комсомола, превратился в явно контрреволюционную группировку.

«скатившись идейно и политически в один анти-коммунистический меньшевистский лагерь—к меньшевикам и дашнакам, соблюдая полную конспирацию (союз нелегальных собраний, создание нелегального руководящего аппарата и т. д. попытка взимания членских взносов и т. п.)». (Резолюция президиума Закрайкома ВЛКСМ).

Приведем другой, более характерный пример. В первые годы Советской власти Грузии был образован «союз молодых марксистов», который был союзом молодых меньшевиков. После формальной и фактической ликвидации этой организации, в течение последних лет в Советской Грузии организовалась в количественном отношении сильная группа «ортодоксальных марксистов». Группа «ортодоксальных марксистов», став на точку зрения оппозиционного блока по хозяйственным вопросам нашего строительства, в те-

чение очень короткого срока «перешла на явно-меньшевистскую платформу, отрицающую социалистический характер Октябрьской революции». Однако, этим не ограничилась работа «ортодоксальных марксистов». Группа установила связь с руководителями подпольной местной меньшевистской организации, ставя перед собой задачу активной борьбы с большевизмом.

В Азербайджане среди учащейся молодежи (комсомольцев) организовалась группа по борьбе с нововведениями Советской власти. Эта группа, как и предыдущие группы, при успешном развитии своей деятельности окончательно сделалась одним из звеньев контрреволюционных организаций Закавказья.

Необходимо указать, что работа анти-советских организаций и националистов протекает, прежде всего, среди активной части молодежи, не имеющей еще комсомольской и большевистской закалки с одной стороны, с другой же — эти анти-союзные организации не являются еще массовыми организациями.

Перейдем ко *второй группе* организаций и группировок, связанных с сектами и религиозным движением. Характерно отметить, что работа сект и духовенства вообще среди молодежи и методы работы совершенно иные, чем когда бы то ни было. Отличительной чертой методов работы сект духовенства является то, что они приспособляются к запросам молодежи, развивая свою деятельность по двум направлениям: 1) борьба за культурничество (борьба с пьянством, табакокурением и т. д.) и 2) материальная заинтересованность.

«Религиозные секты широко применяют массовое пение, беседы, музыку, дакламацию с религиозным содержанием. Устройство вечеров любви (вечера самодеятельности), где проводятся пение, декламация, музыка, постановка религиозных пьес и в заключение чаепитие». (Из сводки Терского окружкома).

Если для привлечения одной части молодежи религиозным сектам и организациям приходится прибегать к таким мерам, как материально заинтересовать молодежь, оказывая некоторую помощь (денежную и проч.), организовывать вечера, концерты и проч. с религиозным содержанием, то для другой части комсомола и молодежи вообще (главным образом, молодежи в аулах и кишлаках) не требуется особых усилий. Недавнее обследование кишлачных организаций Средней Азии показала, что в большинстве случаев комсомольцы в кишлаках — верующие, число безграмотных теоретически и технически весьма большое. Если принять во внимание также низкий уровень культуры и техники, некоторые остатки полуфеодальных отношений в отдаленных районах Советского Востока, то становится очевидным, что духовенство может еще некоторое время рассчитывать на успех. Фактические данные из Узбекистана, Джетысуйской губ., Балкарии, Адыгеи, Казакстана, Армении и т. д. говорят о том, что духовенство в той или иной мере не только косвенно влияет на организацию, но и организует в рядах комсомола определенные религиозные группы.

Все это указывает, что воспитательная работа в наших союзных организациях поставлена чрезвычайно слабо, что даже в вопросах организационных мы иногда отстаем, а что касается изучения запросов молодежи, то и здесь мы отстаем сильно и рядом.

Перейдем к третьей категории. Сведения из Средней Азии, Казакстана и других национальных организаций говорят, что среди молодежи, и в частности, среди комсомольцев, национальная вражда иногда принимает довольно острый характер. Старый вопрос о туземцах и европейцах в некоторых городских и кишлачных организациях среди комсомола Средней Азии принимает опасный характер.

«Деление на национальности особенно заметно, когда приезжают в свой вышестоящий орган работники с мест. Узбекская часть актива идет к узбекскому секретарю, а европейская—к европейскому».

Каковы же выводы?

По линии партии начата очень серьезная идеологическая кампания на Советском Востоке. На этот участок борьбы уже обращено ее внимание. Необходимо повернуться и по линии комсомола «лицом к идеологии», приняв решительные меры организационного и политико-воспитательного характера.

Только единый фронт систематической, планомерной борьбы с национализмом и националистической контр-революцией, националистическими предрассудками и уклонами даст необходимые результаты.

Деление на европейцев и туземцев в Средней Азии имеет свое историческое прошлое. Это относится также и к Казакстану и другим нац. республикам и областям. Но нас, ведь, не интересует история проклятого вопроса. Нет, не эта сторона вопроса привлекает наше внимание, а то, что даже среди комсомольцев, у подрастающего поколения остатки национальной вражды проявляются в работе. Так, например, в Казакстане на некоторых собраниях комсомольцев голосование происходило по национальному признаку: казаки—отдельно от узбеков и европейцев, а узбеки—отдельно от казаков и европейцев. Где нужно искать причину? Кроме великодержавного шовинизма и растущей националистической идеологии у нац. буржуазии, надо учесть слабую постановку политико-воспитательной работы среди членов ЛКСМ и молодежи вообще.

Надо признаться, что указанные и аналогичные явления среди комсомольцев не принимают угрожающих размеров. Дело, конечно, не в размере, а в сущности вопроса. Одно бесспорно. Если будут развиваться, оформляться аналогичные явления в жизни ЛКСМ Советского Востока, то они превратятся в антисоветские группы, с которыми придется в дальнейшем вести серьезную борьбу.

ОТ РЕДАКЦИИ

В одном из ближайших номеров «Юн. Ком.» будет напечатана статья о националистических антикоммунистических организациях молодежи в Грузии.

Е. ФАЙНБЕРГ

На „активные“ темы

О конкретном руководстве и комсомольском активе

1. Старое и новое в активе

Успешное проведение в жизнь решений партии и союза об оживлении комсомольской работы и об улучшении форм и методов союзного руководства отчасти зависит и от степени подготовленности к ним комсомольского актива.

Сейчас, после некоторого времени работы «по-новому», не мешает посмотреть, как воспринял актив эти решения, что обнаружилось при проведении их в жизнь в его среде и как «перестраивается» он для того, чтобы идти во главе растущей активности и самостоятельности комсомольских масс.

Первое, что бросается в глаза, когда начинаешь ныне пристально приглядываться к нашему активу—это факт дифференциации его. Актив расслаивается. Если большая его часть действительно вплотную подошла к работе по улучшению союзного руководства, к борьбе с общей фразой за конкретность и живое дело,—то нередко приходится встречаться с *косностью и консервативностью другой части нашего актива, с фактами непонимания ею того, что происходит сейчас в комсомоле, чего требует сейчас комсомольская масса от активного работника*. Нам пришлось на собрании комсомольского актива крупной организации услышать такое выступление старого активиста: «То, что вы сейчас говорите нам (речь шла о конкретном руководстве.—Е. Ф.), мы делали 3—4 года тому назад и у нас ничего не получалось, а вы хотите это сейчас сделать, при условии, когда в нашей организации сильна недисциплинированность». Так этот активист выступал на собрании. Представим же себе, как он работает в своем коллективе, как он с своей «особой точки зрения» относится к предложениям и инициативе рядовых комсомольцев. Или вот выступление другого товарища, секретаря одного из райкомов той же организации: «Если союз будет развивать культурную работу, то он докатится до организации, характера «Труд и Свет».

Нечего и говорить, что с таким пониманием вопроса далеко не уедешь, и что много еще нужно «долбить» прежде, чем проломиним глухую стенку косности и консерватизма в части нашего актива.

Косность и консерватизм плотно сидят также еще и в методах руководства, переходящего порой в обыкновенное командование. Мы встречаем нередко руководителей организации, неумеющих как следует работать, но строящих из себя маленьких «губуездвождей», считающих все свои заявления обязательными и беспелляционными, всюду и везде выступающих и указывающих ужасно сорющихся за свой «авторитет»: не «моги» ничего против него ска-

зять, ибо это есть подрыв авторитета руководителя организации. Очень странное представление об авторитете, покоящемся на приказе, а не на живом и толковом руководстве!

На ряду с такого сорта «руководителями», у нас в комсомоле есть довольно большая группа людей, которая хочет работать, которая безусловно добросовестно работает, которая знает все партийные решения и усвоила их.

Но недостатком этой группы активистов является их неповоротливость, медлительность. Среди них есть такое скептическое отношение к инициативе рядового комсомольца, своеобразное недоверие к инициативе. Им все кажется, что если они сами не сделают того или иного дела, то никто его уже и сделать не может. Под этим часто они скрывают свое собственное неумение работать. Такой активист сам не сможет организовать какое-нибудь живое, конкретное дело, оно, благодаря этому, проваливается, а он оправдывается тем, что в комсомоле пала дисциплина, что рядовые члены не усвоили решений съездов и т. д. Это, между прочим, стало довольно распространенной мотивировкой при всякого рода неудачах в практической работе, и этим пытались некоторые активисты замазать свою растерянность перед ростом болезненных явлений в нашей организации. Отсюда вытекают такие предложения о чистке организации, как об одной из оздоровительных мер. Нам пришлось на одном заводе выдержать большой спор с рядом старых активистов по вопросу о чистке организации. Товарищи «конкретно» предлагали немедленно выбросить из их ячейки 70 человек, облегчить, таким образом, оживление работы в этой ячейке.

Бросается в глаза еще одна черточка в комсомольском активе, с особенной яркостью выступающая теперь, когда от активного работника требуется больше поворотливости, больше темпа в его работе. Черта эта—своеобразное спокойствие, вернее, безразличие ко всему, что делается вокруг. Часть актива перестает реагировать, как это требовалось бы, на отдельные успехи и промахи в нашей практической работе. Ей безразлично, провалилась ли демонстрация в Международный Юношеский День или нет; если провалилась, то, видите ли, на это были «объективные» обстоятельства, если прошла хорошо, то, значит, была «соответствующая подготовка». Таков обычный ответ от такого типа людей. Они напоминают нам не массовиков, а чиновников, рассматривающих комсомол только лишь как место службы.

В настоящую полосу жизни комсомола особенно ярко выступают у некоторых из наших активистов и то «всезнательство», «внешний лоск» и «внутренняя пустота», «неряшливость в быту», «нетоварищеское отношение к окружающим его людям, о которых говорил т. Бухарин на комсомольских съездах. К этой же категории относятся и те случаи интриганства и склопничества, которые имеют еще место в нашем союзе. История с бывшим секретарем Сталинградской организации, описанная тов. Макаровым, является наиболее резко бросающимся в глаза примером безобразного отношения к товарищам и к комсомольской работе вообще. Отдельные элементы такого отношения есть и в ряде других мест.

Все эти штрихи, характеризующие часть нашего актива, совсем не новы, но сейчас, в связи с развитием самостоятельности комсомольских масс, с повышением их культурного уровня, при усилении борьбы с казенщиной в нашем аппарате они вырисовываются особенно выпукло и остро воспринимаются нами. И все же, несмотря

на все эти болезненные явления в среде части нашего актива, мы уже сейчас имеем ряд «качественных» достижений, свидетельствующих о приспособлении его к новым практическим задачам союза. Ясно всем, что сдвиг, совершенный комсомолом в деле оживления своей деятельности, проделан под руководством комсомольского актива, в целом усвоившего «новый курс» нашей работы и подтягивающего за собой всю остальную массу. Но ясно также и то, что в этом процессе приспособления актива к новым задачам, овладения им новыми методами работы и руководства, та часть его, которая не в состоянии поспеть за общим ростом союза и не может приспособиться к работе в новых условиях и заменяется другими.

Мы уже сейчас имеем совершенно новый слой рабочих-активистов, выросших и растущих на конкретном живом деле и пока что ни на каком учете не числящихся. Это — цехорги, сменорги, звонорги, руководители бытовых ядер, кооперативные организаторы, работники производственных совещаний, комсомольцы-советчики и т. д.

Это, безусловно, то новое и ценное, что мы имеем сейчас в союзе. Это один из ощутимых результатов упорной работы союза над оживлением своей деятельности. В связи с этим нельзя не отметить ту ненормальность, которая имеется во взаимоотношениях между «старыми» и «новыми» активистами в организации и, главным образом, в ячейках. Неоднократно приходилось слышать среди старых активных работников разговоры, сводящиеся в основном к следующему: «Мы поработали, пусть они теперь поработают, а мы посмотрим». Чувствуется в этих разговорах известного рода ревность к «новым», отсутствие чуткого товарищеского отношения и желания по деловому поддержать пришедшего к практической работе нового активиста. Наша задача помочь ему укрепиться в союзе, приблизить к общему руководству и внести тем самым известное оживление в работу наших аппаратов.

Очень интересно проследить за тем, как сейчас в активе происходит борьба двух тенденций. С одной стороны — казенный подход к делу и с другой — живой, конкретный подход к этому же самому делу. Приведем несколько иллюстраций. В юнсекции рабочего клуба обсуждался план работы. Вносятся предложение о том, чтобы юнсекция содействовала предпринимаемой одним заводом экскурсии рабочей молодежи в Ленинград. По поводу этого предложения выступает агитпропорганизатор комсомольского коллектива этого завода (старый активист) и заявляет, примерно, так: «Во-первых; это предложение не по адресу попало, во-вторых — это надо обсудить бюро коллектива и, в-третьих — эта экскурсия вообще невозможна».

Среди товарищей, обсуждавших этот вопрос, выступление агитпропа вызвало некоторое смятение, но все таки вопреки его «авторитетному» мнению, этот пункт большинством голосов принимается. Дальше. В крупном руководящем комитете обсуждается просьба одной окружной организации о предоставлении ей льготного проезда для экскурсии рабочей молодежи во флот (эта экскурсия готовилась в течение месяца). Вносятся два предложения: первое — вопрос разобрать, что называется, «во всем масштабе», второе — дать необходимое количество льготных билетов организации для того, чтобы экскурсия смогла бы поехать. Побеждает второе предложение.

Из этого видно, как сильна еще привычка работать по-старому, все и вся обязательно «разрабатывать», планировать, в то время, когда это все можно сделать гораздо быстрее и без особого «изучения» вопроса.

Нам хотелось бы еще сопоставить рассуждения одного в общем добросовестного и толкового работника комсомольского окружка и дело, сделанное одной ячейкой. На вопрос, заданный этому окружному работнику: «почему он опыт других организаций—конкурсы гармонистов, экскурсии рабочей молодежи—не переносит в свою организацию», он очень осторожно отвечает: «Надо посмотреть, чем это все кончится у других. Надо внимательно рассмотреть этот вопрос, а потом переносить». В его ответе чувствовалась боязнь переступить эту черту «высживания» всевозможных планов и взяться за организацию трудного, но живого и конкретного дела. Дело, безусловно, ответственное и вряд ли указанный окружной работник, несмотря на всю свою добросовестность и спокойствие, решился бы сразу взяться за эту работу.

А иногда в ответ на упреки в неумении использовать опыт других организаций, слышишь ссылку на «особые» условия местности и неприемлемость, вследствие этого опыта, удавшегося у других. Особенно остро пришлось почувствовать это во время беседы на эту тему в одном из райкомов, где с одной стороны группа райкомщиков доказывала невозможность перенесения опыта конкурсов в свой район, а с другой стороны—группа ячейковых активистов выражала желание приступить к этой работе и спрашивала, как ее можно организовать.

Все эти примеры показывают, какую ожесточенную борьбу ведут в активе две тенденции: казенного подхода и конкретного дела, и, как постепенно побеждает вторая, несмотря на то сопротивление, которое она встречает.

II. В чем гвоздь вопроса?

Итак, ясно, что темп оживления союзной работы и успех борьбы за конкретное руководство зависит от того, насколько наш актив сможет приспособиться к нему и идти во главе его. Опыт показал, что в активе происходит «перестройка» и что наиболее передовая часть его оказалась на высоте стоящих перед ним задач. Но тот же опыт показывает, что и задерживаемся мы в своем развитии именно на этом участке союзной работы, сталкиваясь с консервативностью среди некоторых слоев комсомольского актива. Поэтому гвоздь вопроса сейчас заключается в том, чтобы организованным порядком ударить по косности, подтянуть отстающие слои актива к уровню, необходимому сейчас для союза, и создать все необходимые условия для воспитания вновь выросшего актива на творческой работе, развертывая во всю ширь его инициативу. Только таким путем сможем мы основной кадр актива, желающий, но не умеющий работать по новому, превратить в полной мере в организаторов и руководителей растущей самостоятельности комсомольских масс. И именно от этого будет сейчас в известной мере зависеть правильное не «механическое» разрешение на деле вопроса о сочетании культурничества и политики.

Практически же все это упирается в вопрос о специализации комсомольского актива. Нам надо специализацию в союзе поставить так, чтобы активный работник всегда смог бы дать конкретный

ответ на вопрос: как нужно организовать то или иное живое конкретное дело, выдвигаемое самостоятельностью комсомольцев. Это не должно быть понято лишь как «узко-практическое» воспитание активиста. Наоборот, такая постановка вопроса требует и серьезной теоретической работы актива над самим собой, и прежде всего, приобретения им необходимых теоретических знаний для той отрасли, в которой он непосредственно работает. Активист должен быть в курсе всех вопросов партийной и союзной политики, но одновременно он должен знать определенное конкретное дело. Вот как нужно понимать сейчас смысл той специализации, о которой мы говорим.

Та же система специализации актива, которая у нас имеется, в основном не дает конкретного ответа на вопрос, как надо работать, а именно, это сейчас и требуется. Можно привести следующий характерный пример. В одной организации был семинар экономрабочников. В этой же организации проходила кампания заключения коллективных договоров. Нужно сказать, что участие рабочей молодежи в этой кампании не было как следует организовано и именно потому, что экономрабочники, наслушавшись разговоров об общих задачах в связи с этой кампанией (что понятно также нужно), не знали, как вовлечь в это дело рабочую молодежь своей фабрики. Получилось, таким образом, что конкретной пользы, кроме малой толики знаний, экономрабочники из этого семинара не извлекли.

Все обучение актива у нас в большинстве своем идет по тем же «линиям» АПО, ЭКО и т. д., охватывая очень узкий круг людей и слишком большой круг вопросов. А масса сейчас предъявляет следующее требование: умело организуй вечер, прогулку, Расскажи, как надо работать в производственных совещаниях, в кооперации, в горсовете; укажи, какие книги надо читать. Требования, как мы видим, чрезвычайно разнообразные. Вместо же того, чтобы помочь активисту дать ответы на эти требования, мы преподносим ему только семинарий по экономике. *Надо нам скорее перейти к подготовке актива по отдельным конкретным вопросам, обращая внимание на то, чтобы пошире вовлечь в эту «специализацию» вновь растущий актив.* Это можно делать и в виде совещаний, временных комиссий, привившихся уже в ряде организаций, и в форме организаций однодневных или двухдневных курсов, созываемых через месяц—два. Например, курсы руководителей вечеров, прогулок, кооперативных организаторов, работников производственных совещаний, библиотечарей, — все это будет погублено, если мы начнем сразу с разработки системы специализации актива, которая бы связала и по рукам и по ногам инициативу и самостоятельность наших комитетов. Только там, где они действительно нужны, где добровольно собираются ребята потолковать о том или ином вопросе своей практической работы, — эти совещания принесут пользу.

Будучи в одной организации, нам пришлось видеть, как ее работники бьются без толку над вопросом о системе учебы актива. А рядом, в районе шел разговор о том, что обязательно нужны сейчас хорошие руководители вечеринок и что есть люди, интересующиеся этим делом и желающие собраться для того, чтобы обменяться по этому вопросу опытом. Нужно попытаться в различных местах созвать курсы (двухдневные) по отдельным вопросам, особо остро стоящим в данном районе. Не мешает пойти на создание добровольных групп актива, работающих в той или иной области и собираю-

щихся более или менее регулярно для обмена между собой опытом. Почему бы также не создать такую группу из комсомольцев, работающих в кооперации, которые собирались бы по регламенту, установленному ими-самими, толковали бы о своей работе и почитывали бы необходимую для них литературу? Почему не использовать опыт одного района, в котором возник кружок докладчиков, регулярно собиравшихся и коллективно подготавливавшихся к докладам в ячейке.

При организации этих курсов и совещаний большое значение будет иметь подбор товарищей в них; часто бывает так, что один и тот же товарищ состоит в нескольких комиссиях. Это, безусловно, губит их работу. Необходимо подбирать людей во все эти курсы и совещания на основе добровольности, заинтересованности тем или иным делом, с тем, чтобы каждый активист был бы занят не более, чем в одной такой группе.

Задача комитетов должна заключаться в том, чтобы учитывать и намечать, где, какие группы или курсы надо создать, содействовать их организации, помочь найти человека, который мог бы рассказать, как надо работать в этой области, составить программу и затем опыт их работы перенести в другие районы. Надо помнить, что во всем этом деле важнейшее значение будет иметь передача опыта, ибо это будет лучше всего способствовать специализации наших активных работников.

Вот что сейчас требуется от комитетов, и только таким путем смогут они охватить своим руководством процесс специализации комсомольского актива в самых разнообразных практических отраслях комсомольской работы.

Как общее правило необходимо выдвинуть следующее положение: «ни одного совещания или заседания, где бы не было сказано, что и как надо сделать». Если это не подготовлено, лучше не созывать комиссий и совещаний. У нас довольно распространены собрания актива организации, которые обычно собираются для обсуждения политических вопросов, докладов об итогах пленумов и съездов. Собрания эти вполне себя оправдали. А между тем уже пора, наряду с обсуждением общеполитических вопросов, подойти и к обсуждению на этих собраниях более конкретных практических вопросов. Это будет иметь большое значение в деле передачи опыта и сближения актива различных отраслей на деловой почве.

В то время, как значительное количество активистов из года в год переходит на партийную, профессиональную и хозяйственную работу, есть группа и таких активистов, которая, отойдя от руководящей работы в комсомоле, перестает участвовать в общественной жизни, а работает лишь над повышением своей квалификации. Она уходила из поля зрения союза. Настало время вплотную заняться этим делом, следить за тем, куда идет наш активист после его работы в комсомоле, подготавливать его для той или другой работы вне комсомола.

Таким образом, ведя борьбу «сверху и снизу» с теми болезнями, которые имеются сейчас в части актива, и прежде всего, с косностью, организуя широко специализацию его по самым разнообразным конкретным отраслям, мы сможем выработать активного работника таким, каким он нужен сейчас комсомолу.

III. Актив, аппарат и массы

В своем «Письме к старому товарищу»¹ тов. Беспалов осветил ряд совершенно правильных моментов, касающихся взаимоотношений актива с комсомольской массой. Разумеется, речь идет не о каком-нибудь разрыве между нашим активом и всем союзом (что, понятно, в ряде отдельных случаев также не исключено), а о такой системе работы нашего аппарата, которая не дает возможности большую часть своего времени активному работнику проводить в непосредственной близости с массами. Недавно пришлось нам говорить с секретарем одного окружкома, который жаловался на то, что из-за различных заседаний и комиссий, в которых ему приходится участвовать, он лишен возможности бывать в ячейке. Та большая безалаберность, которая имеет место в работе наших комитетов, служит препятствием к тому, чтобы приспособить наш союзный аппарат к задачам конкретного руководства. Сами посудите. Если окружком после решений ноябрьского пленума ЦК составляет свой план не больше, не меньше, как в 120 пунктов на 3 месяца и назначает по 9 плановых вопросов на каждое заседание бюро, — что из того может получиться? Но зато эти страдалцы говорят, что у них плановая работа. Вот эта-то «плановая работа» явно губит союзный аппарат, делает его непонятным комсомольским массам и лишает возможности конкретно руководить ими.

Или вот, например, комсомольский комитет, который, приступив к собиранию опыта в своей организации, вместо того, чтобы собирать факты живой конкретной работы, намечает на 3 месяца план, предполагая подвести в нем 27 итогов по самым различным вопросам. Это явно бюрократическое измышление, за которым не увидишь ни крупицы живого опыта. Какая ячейка, какой рядовой комсомолец будет при таких методах работы понимать свой руководящий аппарат?

Бесчисленные заседания, с большим количеством вопросов, растянутые на 5—6 часов в среднем, в душных и прокуренных комнатах, часто с общими разговорами, заменяют у нас живую работу. В связи с этим хочется привести следующий факт. На одной фабрике при заключении колдоговора провалился пункт о компенсации мастерам за обучение. Комсомольский коллектив фабрики растерялся. Экономработник окружкома знает этот факт, но ему «некогда» уйти с заседания для того, чтобы помочь (при всем его желании) комсомольцам этой фабрики добиться удовлетворения своего справедливого требования.

Нам очень важно, чтобы на заседаниях райкомов присутствовало как можно больше низовых рабочих активистов, но кто же пойдет после работы добровольно страдать на 5—6 часов в райком? Надо, чтобы заседания тянулись самое большее 2—3 часа и к ним были бы подготовлены конкретные короткие предложения, и тогда низовому активисту будет интересно посидеть на этих заседаниях.

Надо сказать, что наш союзный аппарат в умах некоторых отдельных активистов и рядовых комсомольцев представляется, как определенное количество штатных единиц. Понятно, штаты имеют свое значение, без штатов тоже многого не сделаешь. Но это не все и это в наших условиях ни в коем случае не решает вопроса. Наш аппарат будет не в состоянии выполнить своей задачи конкретного руководства, если он не обретет целым слоем низового актива спе-

¹ См. „Ю. К.“ № 3.

циалистов по различным отраслям. Сейчас без этого работать мы не можем, а тенденция работать по-старому все еще сильна.

В одном из округов БССР товарищи выдвинули очень интересное предложение о создании горрайкома, который совершенно не будет иметь платных штатов. Это предложение заслуживает серьезного внимания и не мешало бы в ряде городов Украины и Белоруссии, где на горрайкомы не полагается штатов испробовать этот опыт.

Ведя борьбу с безалаберностью в распределении времени активиста, с длительными и бессодержательными заседаниями и планами, устанавливая строгий режим проверки, привлекая к работе аппарата низовой актив, тем самым изменяя всю систему работы союзного аппарата, мы еще в большей мере приблизим его к массам и создадим условия к тому, чтобы активист большую часть своего времени отдавал для непосредственной массовой работы среди рабочей молодежи.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

СЕМЕН ШОР

На злобу дня

(Вопросы политобразования в комсомоле)

Вопросы политического образования в комсомоле всей практикой истекшего года снова поставлены с небывалой остротой. Людей, привыкших тихо и смиренно идти по раз протоптанной дорожке, это не на шутку испугнуло. Эта категория людей не замедлила всякое слово, сказанное за реорганизацию политучебы в комсомоле, каждое слово, критикующее нынешнее состояние политучебы, шельмовать знакомым ярлыком — «паника». Люди эти, впрочем, не так страшны, так как сама жизнь будет выкидывать их за борт движения. Гораздо вредней раздающиеся голоса о том, что не зачем, мол, накидываться с резкой критикой на политучебу, можно, «чутьочку подправить», «кое-что изменить», но только не заниматься «самобичеванием». Разумеется, самобичеванием заниматься никто не желает. Но решительно вскрыть все недуги и болезни комсомольской политучебы крайне необходимо. Скрывать недостатки политучебы, все равно, что загонять болезнь внутрь.

Еще в прошлом году, по окончании учебного года, с большой горячностью обсуждались перспективы политобразования. Было сказано не мало копей, лился изрядный дождь статей по спорным вопросам комсомольского политобразования. Многие вопросы, однако, окончательно разрешены не были — решили прозреть правильность некоторых предложений экспериментальным путем, подвергнуть ряд вопросов критике практики, критике опыта.

Нынешний учебный год подходит к концу. Нужно установить перспективы будущего в свете накопленного опыта. Каков же итог истекающего учебного года? С активом или пассивом мы из него выходим? Прежде всего, мы просим читателя разрешить нам отказать от традиционного изложения этой темы, по принципу: «В нынешний учебный год мы шагнули вперед. Мы достигли многих достижений, но все же есть и недостатки и т. д. Достижения сводятся к 1) 2) 3) 4) Недостатки заключаются в: 1) 2) 3) 4) ». Нам думается, что сейчас нужно не только и столько разлагать всю область политучебы на эти частицы, сколько брать политучебу в целом, взять соотношение хороших сторон политучебы и ее недугов и установить, что над чем преобладает. Иначе ясной и правильной картины положения дел получить нельзя.

Учебный баланс

Состояние комсомольской политучебы обязывает сделать вывод, что недуги ее преобладают над достижениями, скверные стороны над хорошими.

Прочтя эти строки, иные ретивые блюстители «казенного благополучия» не без возмущения скажут: «Как! А лучший состав руководоов по сравнению с прошлым годом, а более плановое и внимательное комплектование и тому подобные вещи — разве все это не есть достижения? Понятно, — скажут они, — есть недостатки, но нельзя не видеть и достижений, вы видите только темные стороны и т. д. и т. п.». Это все правильно. Но беда такого «анализа» состоит в том, что люди не заметили той простой и весьма показательной черты, что отдельные достижения (а они несомненно имеются), не привели к улучшению политучебы в целом. Следовательно, есть такие более крупные недостатки, которые поглотили достижения, воспрепятствовали реализации достижений комсомольской политучебы.

Чтобы избежать упреков в голословности, обратимся к фактам состояния комсомольской политучебы. В качестве показателей состояний комсомольской политучебы возьму наиболее бесспорные критерии, а именно: 1) посещаемость политшкол, 2) устойчивость (текучесть) сети комсомольского политобразования и 3) интерес массы комсомольцев к нынешней политучебе. Именно эти стороны всего более отражают в себе даже самое малое колебание в сторону улучшения или ухудшения комсомольской политучебы.

Факт низкой, местами катастрофической посещаемости политшкол никем, как будто бы, не оспаривается. По самым оптимистическим подсчетам и материалам, средняя посещаемость не превышает 50%. Совсем не редки факты 20—25% посещаемости политшкол. Не следует упускать из виду, что более или менее постоянно посещающей группы комсомольцев — нет. Посещение чередуется. Если изучить вопрос о непосещаемости с точки зрения наличия постоянно посещающих групп комсомольцев, то результат был бы еще менее радостным.

Любопытную иллюстрацию дает следующий пример одной политшколы. Вот данные: всего было 27 занятий в политшколе. Из них:

На 1-м занятии было	6 чел.
На 2-м " "	3 чел.
На 5-м " "	5 чел.
На 12-м " "	4 чел.
На 19-м " "	1 чел.
На 24-м " "	3 чел.

С одной стороны вообще низкая посещаемость, с другой — колебания в посещении политшкол. Последнее говорит о том, что кадр комсомольцев, действительно желающих заниматься в политшколах, у нас не подбирается. Эти данные в комментариях не нуждаются. Они и без того убедительны. Характерно то, что кривая посещаемости, если проследить ее от начала учебного года до конца, не только не поднималась, но, наоборот, все время неуклонно ползла вниз.

Не безинтересно будет отметить все же, что единственной более или менее аккуратно посещающей политшколу группой являются комсомольцы-новички, впервые попавшие в политшколы. Это очень

показательно. Это та группа комсомольцев, которая не испытала еще на себе всех «прелестей» комсомольской политучебы. Попытки поднять посещаемость политшкол путем союзных взблескиваний и всяких иных «административных» мер—ни к чему хорошему не приводили. Ведь, вся загвоздка в том, что в политшколу не ходит не только вообще недисциплинированный комсомолец (здесь была бы совсем иная речь), но не ходит и комсомолец, активно участвующий в жизни союза, в производстве—тот, которого мы именуем хорошим, достойным комсомольцем. А ведь нелепо такого комсомольца преследовать выговорами и грозить ему исключением. Это и заставляет серьезно призадуматься о причинах непосещаемости политшкол. Нередки случаи, когда в ответ на «административный» нажим комсомолцы сдавали союзный билет, лишь бы не ходить в политшколу.

В текущем учебном году, как нельзя более, проявила себя текучесть в сети политобразования. Эта текучесть была присуща не только политшколе, состав которой менялся беспрестанно, как заезжие на постоялом дворе; вся сеть политобразования отличалась совершенной неустойчивостью и систематическим сокращением. Установилась как бы определенная «закономерность»: чем дальше от начала учебы, тем больше таяла и сжималась развернутая сеть комсомольского политобразования. Почти по всем организациям сеть комсомольского политобразования значительно сократилась. Приходилось сливать политшколы; в конх произошла «уеушка», а подчас и просто ликвидировать их. Сокращение сети комсомольского политобразования проходило не по плану соответствующих комитетов комсомола; почти всегда эти последние становились перед фактом, перед необходимостью сокращать сеть. Сеть политобразования сокращалась не комитетами, а самими слушателями. Большая текучесть и неустойчивость сети политобразования объясняется до некоторой степени причинами и корнями, уходящими в общее состояние союза (текучесть). Но не это основное. Главная причина заключается в уходе комсомольцев из сети политобразования из-за неудовлетворенности политучебой. Эти две стороны — посещаемость и текучесть — лучшим образом говорят об интересе комсомольцев к нынешней политучебе. Как тут не вернуть, а факты — упрямая вещь. Итак, интерес к политучебе (такой, какой она есть) несомненно упал, политшкола не удовлетворяет комсомольца. Этот факт бояться признать. Бояться потому, что не понимают, что между политшколой и политическим образованием вообще дистанция все же солидного размера. Упадок интереса к политшколе, к комсомольской политучебе, таит в себе большую опасность, которая должна быть обязательно учтена. Опасность заключается в том, что интерес к политучебе может перерости в папплевательское отношение к революционной теории вообще. Опыт нынешнего учебного года обнаружил одну очень опасную тенденцию в настроении комсомольцев. Были случаи, когда политучеба, вместо того, чтобы вызвать целое движение за политические знания, вызвала ростки «движения» (условно выражаясь) против политучебы. Складывались песни, частушки, в которых «воспевалась» скука и неинтересность комсомольской политучебы. Любопытно сообщить, что все эти частушки, песни складывались на самые заурядные мотивы, вроде «Накинув плац с гитарой под полою», «Нам все равно», «Эх ты доля моя доля» и т. д. Можно себе представить политшколу, на занятия которой комсомолец шел «накинув плац с гитарой под полою»!

К сожалению, таков итог учебного года. Прикрашивание действительности принесло бы только вред. Задача состоит в том, чтобы правильно разобраться в причинах, приведших к столь безрадостному итогу и с наименьшими издержками перестроить фронт политучебы.

Причины „упадочных настроений“ в политучебе

Мы сделаем большую ошибку, если скажем, что причиной неудач на фронте политучебы является слабость руководства, скверное комплектование политшкол, неблагоприятная обстановка их работы и т. п. Это все несомненно имеет значение и нередко очень пагубно влияет на состояние политучебы, но все же не это основное. Главная и основная причина кроется, во-первых—в отставании работы политшкол от темпа жизни и, во-вторых—в содержании и методах работы политшкол. Здесь «зарыта собака». Жизнь, обстановка, в которой комсомолец постоянно вращается, во сто крат более, чем политшкола, развивает комсомольца, дает ему больше материала для работы мысли; из нее комсомолец черпает больше познаний в общественно-политических вопросах, нежели ему сообщала политшкола. Уровень общего развития, весьма повышенные запросы, сообщенные комсомольцу гигантским темпом общественно-политической и индустриальной жизни пришли в столкновение с стоящей на низкой ступени политшколой. Если можно было бы исчислить пропорцию роста требований и роста качества политучебы, то, вероятно, отношение было бы не больше, чем 15:1. Совершенно естественно, что в такой обстановке в глазах комсомольца политшкола все более и более теряет вес.

В политучебе уж больно в большой дозе приютилась зубрежка, зазубривание ничего не говорящих формул и лозунгов и—что не менее вредно—вульгаризация в освещении различных политических вопросов. Жевание одних и тех же вопросов на протяжении ряда лет до чертиков надоедает комсомольцу. Комсомолец не чувствует, что школа обогащает его «действительными» знаниями. Он не ощущает, что политучеба ему дает какое-то практически-ценное оружие. Наоборот, комсомолец нередко чувствует, что школа дает ему не знания, а формулировки, лозунги, схемы, пустышки, из которых выхолощена вся суть, весь их реальный смысл.

Нередко развитие критической мысли слушателя (что является наиболее верным путем к прочному и ясному усвоению предмета) подменяется «декларированием» знаний. Классический пример этой зубрежки является следующий факт: «В одной из политшкол был затронут вопрос о старой партийной гвардии. Вся проработка этого вопроса свелась к следующему. Руководитель—обращаясь к аудитории—спрашивает: «Что мы должны питать (?) по отношению к старой гвардии»? Слушатели молчат. Тогда руководитель подсказывает: «ува....., ува.....—«жение» выкрикивает один из догадавшихся слушателей. После этого ответа, руководитель переходит к другому вопросу». Сколько родства между этой политшколой и бурсой Помяловского, в которой ученики то и делали, что подолгу сидели и твердили «стыд и срам, стыд и срам» и т. д.! Как не печально, но степень родства довольно близкая.

При современном положении, когда стремление к улучшению своего положения велико, комсомолец стремится приобрести такие

знания, которые бы у него не лежали мертвым капиталом, не болтались в голове побрякушками, но которые он мог бы пустить немедленно в практический оборот.

Эти два явления и есть основные виновники столь резкого упадка интереса к комсомольской политшколе. Не малое значение для качества комсомольской политучебы имеет и качество пропагандистского кадра. Нам как-то уж приходилось писать, что сказать «состав пропагандистов теоретически и методически недостаточно подготовлен» — это значит сказать почти неправду. Правдой будет: «он вовсе не подготовлен». Для такой гигантски разросшейся сети политобразования, какая у нас есть сейчас, (одних только политшкол до 30.000 и политчиток не менее 50.000), подготовленный состав пропагандистов нам неоткуда взять. Количество пропагандистов, мы, правда, исчисляем большими цифровыми величинами, — 30 тысяч, 40 тысяч и т. д. Как тут не вспомнить слова Добролюбова об учителях его времени. Послушайте, читатель, и вы согласитесь со мной, что эти слова как бы сказаны специально о наших руководителях. Он говорит: «...Странно право, как это у нас совмещается одно с другим: учителей множество бесконечное, а учиться все-таки не у кого. Мы долго недоумевали, отчего это происходит, и, наконец, пришли вот к какому печальному заключению. Учителя наши проповедуют то, что нам или вовсе не нужно или давно известно; а, что нам нужно и неизвестно, того они и сами хорошенько не знают и даже не считают нужным знать». А наш руководитель действительно в большинстве случаев, сам избегает активной беседы, обсуждения какого-либо вопроса. Его на это вынуждает весьма ограниченный уровень знаний, ибо, развернув широкую беседу в школе, он может попасть впросак, вследствие своего теоретического и методического убожества. Весьма распространенным явлением является и то, что руководитель в политшколе говорит не то, что ему полагается по программе (этого, кстати, не всегда следует придерживаться) и не то, о чем желают слушатели, а говорит о том, что он случайно или впопыхах подчерпнул из книг, с чем он успел ознакомиться.

В заключение отметим два характерных штриха, рисующих наше недостаточно серьезное к делу политического воспитания отношение. При нынешнем весьма слабом составе руководителей почти не было нигде случая, когда бы соответствующий комитет организации или ячейка сняла бы руководителя с его работы по причине его скверного качества. Можно подумать, что действительно все руководы хороши, что всякий уже поставленный руководить политшколой, должен обязательно на ней остаться. Второй штрих. Задумают, например, на каком-нибудь заводе организовать общеобразовательную школу, пусть небольшую, человек на 30—40. Сколько предварительной суетни! Сколько предварительной работы над сметами, по подысканию педагогических сил, возни с ремонтом помещения и т. д. и т. д. А как организовывается политшкола? Достаточно 20—25 комсомольцев (желающих или не желающих заниматься — не важно, есть руководитель или нет руководителя — это также неважно, будет ли, наконец, где заниматься — это вовсе не составляет предмет заботы) — и политшкола готова. А неужели организация политического образования проще и легче общеобразовательной учебы? Во много раз сложнее. Но так уж сложилось у нас, что организовать политшколу — это пара пустяков.

Есть ли интерес к политическому образованию?

Вопрос, поставленный в подзаголовке—самый важный для нас вопрос. Могут изумиться. Как, для чего я ставлю этот вопрос? Ведь, выше я говорил уже и даже подчеркивал, что интерес упал, что политшкола не интересует. Все это я подтверждаю снова. Но дело-то в том, что между политшколой и политическим образованием солидная разница. Эта разница сейчас особенно ощутима. Интерес к политическим вопросам сейчас ничуть не упал; он, как и прежде, продолжает возрастать. Совершенно бесспорен тот факт, что всю массу комсомольцев глубоко волнует целый ряд злободневных вопросов. Над ними усиленно работает мысль комсомольца. Завод, клуб, семья, улица, вся та среда, в которой вращается комсомолец—полна противоречий и они-то рожают у комсомольца уйму вопросов.

В клубе он только что слышал о борьбе с пьянством, хулиганством, а в витрине государственных магазинов или кооперативов он видит бутылки с водкой. На заводе или ячейке было собрание, докладывали о росте хозяйства, об улучшении положения рабочего класса, а придя домой, он встречает безработного отца, семью, живущую в сквернейших условиях. Таких вопросов очень много. Их не пропускает комсомолец. Он упорно ищет на них ответа. И поэтому его глубоко интересует политическая грамота, которая раз'ясняет (толково и убедительно) те явления хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни, с которыми сталкивается комсомолец. Мне могут привести десятки фактов того, что в плохом состоянии находились и те политшколы, какие ставили и разбирали злободневные вопросы. Немалое количество их и мне лично известно. Это несколько не противоречит моему выводу. Но это происходит потому, что политшкола, в коей ставятся указанные вопросы, вследствие уже указанных «болячек» не поднимает слушателя на высоту понимания этих вопросов; а как-то стремится примирить комсомольца с существующим положением. Поясню это примером: В одной политшколе слушатели поставили вопрос о неправильных (по их мнению) действиях мастера. Действия эти заключались в том, что в результате некоторого усовершенствования и рационализации работ в цеху были снижены расценки на сделанные работы. Я не могу судить насколько это было необходимо и правильно. Не знаю в точности, что рационализировано и насколько снижены расценки. Но руководитель политшколы, желая раз'яснить этот волнующий вопрос, прочел слушателям политшколы какую-то поповскую проповедь, примерно, такого содержания: «Ничего, ребята потерпите, немного поднажмите на себя. Будет время, когда лучше будет, обождите только, пусть укрепится хозяйство и т. д.».

Разумеется, после такого раз'яснения комсомолец уходил с занятий не только неудовлетворенный, но и с озлоблением на политшколу.

Перестроить фронт!

Союз не может и ни в коей мере не должен сворачивать работы по подъему политического уровня масс комсомольцев. Тот человеческий материал, который представлен в нашем союзе, только

еще «входит в жизнь». Он выходит на широкую арену общественной и политической жизни. Это, между прочим, значит, что именно в этот период складывается и окончательно оформляется мировоззрение комсомольцев. Не стоит напоминать той азбучной истины марксизма, что мировоззрение, психология складывается под влиянием той обстановки и среды, в которой живешь и работаешь.

Политическое образование должно дать тот фундамент, на котором сможет твердо базироваться классовое самосознание, психология комсомольца. Из этого вытекает то большое значение, какое союзом придается делу политического образования. Требуя от каждого комсомольца активного участия в общественно-политическом и культурно-хозяйственном строительстве нашей советской страны, союз одновременно стремится к тому, чтоб эта активность исходила из сознания необходимости ее. Именно этому служит вся политико-воспитательная работа союза. Этому служит и политическое образование. Применявшиеся до сих пор пути и методы политобразования себя исчерпали. Нельзя дальше идти по той дороге, которая уже пройдена. Нужно выходить на другую, более широкую дорогу. Нужно перестроиться для того, чтобы усилить поступательное движение на фронте политучебы. Как перестроиться? Главнейшие предложения, относящиеся к содержанию и методике политучебы (а это основное), видны из ранее сказанного. Подчеркну только, что именно изменение содержания и методики политучебы — самое главное. Остановлюсь на других, имеющих существенное значение, предложениях.¹

1) Требуя от комсомольца повышения его политического уровня, должна быть допущена добровольность в выборе форм и методов политобразования.² Нужно поставить вопрос таким образом: либо мы организуем политучебу, высокую по своему качеству, способную удовлетворить комсомольца, либо, не сделав для комсомольца политучебу интересной, мягко выражаясь, придется «смазывать удочки». Многим кажется, что предложение о добровольности слишком опасно — может свести на-нет комсомольскую учебу. В результате введения добровольности политучебы, вероятно, значительно сократится сеть политшкол, но ведь у нас помимо политшкол есть еще много путей и орудий политобразовательного воздействия на массы комсомольцев. Системой политучебы называется не только одна — две формы, разложенных рядом по полочкам, системой комсомольской учебы является целый комплекс мер политического воздействия.

2) Введение добровольности и наличие разнообразия в запросах комсомольцев, сказывающиеся и в отношении политической учебы, выдвигают необходимость организации разнообразных по методам и по содержанию форм политической учебы. Не одной политшколой жива политучеба. Не худшими формами политучебы являются предметный кружок, кружок со свободной программой,

¹ Эти предложения мною вносились на обсуждение статей «Барометр показывает бурю», помещенной в «Комсомольской Правде» от 24 марта с. г.

² В указанной статье мною предлагалась добровольность вообще без этого ограничения. В всесоюзная конференция разрешила этот вопрос в таком примерно духе, как это сказано выше. Решение конференции разумеется ставит точку над всеми спорами по этому вопросу.

газетный кружок, кружок текущей политики, кружок художественной литературы и, наконец, живые формы массовой работы, через которые также можно сообщить комсомольцу элементарные политические знания. Такое изобилие форм политучебы вызовет у читателя вопрос, а не становимся ли мы на путь кустарщины? Не идем ли мы назад? На наш взгляд — нет. Все эти формы могут быть также приведены в известную систему и последовательность, примерно, для совершенно «сырого комсомольца» могут быть предназначены такие формы политической учебы, как экскурсия в музей, в деревню, в порт (где можно почерпнуть много политических знаний).

Для более развитого комсомольца — газетный кружок, кружок текущей политики, кружок со свободной программой, следующей ступенью явится политшкола, предметные кружки. При чем, тут наиболее простая форма будет подводить комсомольца к более сложной. Это примерное разграничение не должно, однако, стать незыблемой схемой: «вот, мол, для этого комсомольца то-то, а для этого то-то». Какой формой комсомолец заинтересуется или какой мы его заинтересуем — пусть он в ту форму учебы идет. Нужно полагать, что при таком разнообразии форм (различных по методам и содержанию работы) какая-нибудь из них придется комсомольцу по «вкусу» и заинтересует его.

Следовательно, опасаться того, что охват комсомольцев политучебой сильно сократится, вряд ли есть основания.

3) В связи с добровольностью и особенно в связи с разнообразием форм учебы — встает в очень сложной постановке вопрос о руководстве политучебой. Как раз тут известная опасность того, что из под нашего руководства ускользнут некоторые формы, что кое-кто постарается влиять в этих формах политучебы (особенно в таких, как кружки со свободной программой, газетные кружки, литературно-художественные) — такая опасность есть. В связи с этим нам нужен хорошо подготовленный, в полном смысле этого слова, руковод. Руковод, который не боится постановки нового вопроса, руковод, который не растеряется, если тот или иной слушатель поставит какой-нибудь острый вопрос современной действительности.

4) Большой процент комсомольцев уже в нынешнем учебном году занимается в сети общеобразовательных учреждений Наркомпроса. Меж тем, в этом месте воспитательная работа комсомола, как нельзя более, слаба. Одной из задач, какие следует сейчас поставить, и есть политическое просвещение, воспитательная работа в среде комсомольцев-учащихся (не в социальном смысле слова).

5) Развитие самообразовательной работы, которая может занять большое место, должно строиться на новой базе, на базе, которая даст хоть некоторую гарантию, что через год или два выстроенное здание не рухнет. Что же может быть этой базой? Этой базой может быть существующая сеть учебных заведений, начиная от общеобразовательной школы рабочей молодежи, кончая техникумом и даже вузом. Поясним это примером. При общеобразовательной школе можно организовать консультацию по самообразованию по программе этой же школы, с этим же преподавательским составом, по учебникам этой же школы. Каждый комсомолец, желающий учиться здесь, но не имеющий возможности, —

сможет пройти этот курс путем самообразования. Это особенно ценно не только потому, что это является прочной базой для развития самообразовательной работы, но и потому, что это даст возможность большего удовлетворения нынешней тяги со стороны комсомольцев к общеобразовательным и профессионально-техническим знаниям.

Вся работа по политическому образованию в союзе сможет успешно и прочно развиваться тогда, когда мы размах бе будем сочетать с своими силами и возможностями. Это элементарное правило нами далеко не всегда соблюдается. Нередко, имея крылья куриные, мы затевали полеты орлиные. Это ослабляло не только те звенья, которые брали «через меру», но и всю цепь.

Лучше меньше, да лучше.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Новый труд о новом быте

Г. ГРИГОРОВ и С. ШКОТОВ. „Старый и новый быт“. „Мол. Гв.“ 1927. 181 стр. Цена 1 р.

В нашем журнале не раз отмечалось внимание, оказываемое молодежи — и не только молодежи! — вопросам быта. Спрос рождает предложение; интерес к этим вопросам породил обширную литературу, освещающую наш быт с разных точек зрения. Центральное — по количеству, но не по значению — место в потоке этой литературы занимают сборники, составленные по примитивному домашнему рецепту — папа режет, мама клеит. Следующим видом литературы является компиляция, сжато излагающая взгляды различных авторов на тот или иной предмет и систематизирующая их в известном порядке. Это более высокая по сравнению со сборником ступень по пути к норме — самостоятельной исследовательской или популярной книжке.

На этой ступени стоит и разбираемая нами книга. На большее она не претендует. Книга представляет собой, конечно, работу компилятивную — говорит в предисловии к ней т. Луначарский. Тов. Луначарский рекомендует книгу, возлагает на нее большие надежды и желает ей самого широкого распространения. Он находит у авторов „чрезвычайно верное ленинское чутье“, „во всех вопросах, которых они касаются, они выбирают правильный путь“. Мы привыкли ценить указания т. Луначарского и с тем большей тщательностью они обязывают нас подойти к горячо одобренной им книге.

Основное в ней, как и подается компиляции — цитаты; большинство последних из сочинений Ленина, Энгельса, Луначарского, Ярославского, Цеткин и многих других. Это можно приветствовать: лишний раз вспомнить и проштудировать мысли Ленина и Энгельса не только полезно, но и приятно. Если бы книга т. т. Григорова и Шкотова состояла из одних цитат, мы бы охотно присоединились к оценке, данной ей предисловием. К сожалению, в книге помимо цитат отведена некоторая часть размышлениям самих авторов. Их мысли не таковы, чтобы с ними можно было согласиться или, хотя бы, обойти их молчанием.

Начнем с определения быта, даваемого нашими авторами:

„На фоне буржуазного быта постепенно начинает вырисовываться быт пролетарский, быт, проникнутый социалистическими идеями. До тех пор, пока пролетариат плелся в хвосте у либеральной буржуазии, пока он не был организован в самостоятельную рабочую партию, он не мог создавать свой собственный быт“. (Стр. 19).

Как видит читатель, быт определяется здесь степенью сознательности; „пролетарским“ быт рабочего становится лишь с тех пор, как он проникается социалистическими идеями и складывается рабочая партия. С этим трудно согласиться: быт принято определять суммой жизненных условий того или иного класса. Быт рабочего класса имел свои особые, только ему одному присущие, черты, отличающие его бытовую обстановку и тогда, когда пролетариат не имел самостоятельной партии. Рабочий класс (а следовательно и рабочий быт) существовал и в 18—19 столетиях, но только с появлением крупной промышленности, объединившей и воспитавшей массы рабочих (т. е. изменившей бытовые условия), пролетариат постепенно (этот процесс не закончился и теперь) проникается учением научного социализма и лишь во

второй половине прошлого века создает свою рабочую партию. Таким образом, социалистические идеи явились следствием бытовых условий, но не их причиной, как полагают авторы.

Проследим теперь за отношением авторов к столь важному бытовому фактору, как религия:

„Не раз уже отмечалось в различных научных и философских работах, что религия держится преимущественно на обрядах, на тех высокотожественных праздниках, литургиях, молебнах, к которым масса так же склонна, как и к любому театральному зрелищу“.

(Стр. 53).

Возможно, что в некоторых философских работах высказывались и такие взгляды. Но основатели научного социализма смотрели на вещи иначе. Религия, по их мнению, „держится“ не на „обрядности“, а на всей системе общественных отношений, определяющихся, в свою очередь, производственными отношениями. „Религиозный мир есть только рефлекс реального мира“— говорит Маркс. Больше того: „религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой“ („Капитал“, т. 1). Разница в подходе здесь очевидна: Маркс объясняет существование религии социальными причинами, а Григоров и Шкотов—психологическими. Соответственно этому Григоров и Шкотов расходятся с Марксом и Энгельсом и в дальнейшем развитии своих взглядов:

„Буржуазия мало интересовалась религией и моралью, пока она была классом, борющимся за свои права. Буржуазия особенно начала напирать на религию и мораль, когда почувствовала приближение конца своего былого могущества, когда в лице пролетариата увидела тот класс, который, если его не затуманишь религией и моралью, может покончить с нею одним взмахом своих широких плеч“.

(Стр. 120).¹

Так пишут т. т. Шкотов и Григоров. А вот что думал по этому поводу Фр. Энгельс: религию он рассматривал, как одну из форм идеологии. В ту эпоху, когда буржуазия начинала бороться за свои права, религия была господствующей и всеобщей идеологией. „Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму“. Так называемая реформация (церкви) для Германии была не чем иным, как первым актом борьбы буржуазии против феодального дворянства. В Англии „кальвинизм явился ясным религиозным выражением интересов тогдашней буржуазии“. Во Франции, „когда окрепла городская буржуазия, в противоположность феодальному католицизму развилась протестантская ересь“ и т. д. (См. „Людвиг Фейербах“). Отсюда видно, что, будучи борющимся классом, буржуазия отнюдь не „мало интересовалась религией“, как наивно полагают наши авторы.

Вторая мысль авторов, заключенная в той же цитате, если ее перевести на русский язык, такова: буржуазия затуманивает голову пролетариата религией и моралью, чтобы он не покончил с нею „одним взмахом своих широких плеч“. Судя по тому, что он еще не махает плечами, буржуазии удалось религиозным дурманом удержать его в цепях. Плохого, однако, мнения наши авторы о западном пролетариате! И плохо его знают, если не видят другой причины, почему на Западе до сих пор нет революции. Но, может быть, это просто опечатка, неудачное выражение, к которому мы не

¹ Кстати, эти строки служат характерным примером манеры их письма: „Почувствовать приближение конца былого могущества“ вещь физически невозможная: раз могущество „былое“, то „конец“ его тоже давно произошел и приблизиться уже не может. Понимают ли сами авторы, что они говорят?

заслуженно придираемся. Оказывается, нет! В другом месте авторы выражают ту же мысль с отчетливостью, не оставляющей сомнения:

„Достаточно было рабочему классу и крестьянству (России—Ип.) понять буржуазную лживость этой морали, чтобы покончить со своими эксплуататорами“. (Стр. 28).

Так вот она—истинная причина и движущая сила социальной революции; новые „уроки Октября“! Вот легкое и простое объяснение замедления темпа европейской революции. Только далеко не уедешь на этом объяснении! Как в детской песенке:

Обил, сколотил,
Глядь—колесо!
Сел да поехал,
Ах, хорошо!
Оглянулся назад!
Одни спицы лежат.

Надо обладать большой степенью политического невежества, чтобы выступить с проповедью таких взглядов. Идеи правят миром—вот их краткий смысл. В них есть своя система, своя логика, своя „философия истории“. Беда в том, что эта философия не наша, не марксистская, не большевистская, а совсем, совсем другого лагеря.

„Мы все — марксисты-ленинцы“! — патетически восклицают авторы на 177 странице. Кто „мы“? Кто „все“? Если авторы имеют в виду своих читателей, то их труд—напрасный труд. Марксистам хорошо известны цитаты, понадерганные нашими авторами, и они меньше всего нуждаются в книгах, подобных „Старому и новому быту“. Если же под „мы“ „все“ авторы подразумевают самих себя, то это тоже преувеличение: полно, какие они марксисты, да еще ленинцы?

Разве марксист-ленинец позволит себе сказать, что, например, „русский человек по своей природе антирелигиозен“ (стр. 155), или что „политический и этический оппортунизм Хеглунда имеет своей причиной экономику, те условия, которые создались в мировом хозяйстве в эпоху финансового капитализма, в эпоху пресловутой „сверх-прибыли“ и т. д. (стр. 116)? Это вульгарная болтовня, а марксизмом здесь и не пахнет.

Где это в марксистской литературе говорилось что:

„До 40-х годов XIX столетия буржуазия открыто развратничала.

Но с тех пор, как возникло самостоятельное рабочее движение (1848), эта же буржуазия решила „остепениться“ и разыграть перед пролетариатом роль добродетельных людей“. (Стр. 121).

Это похоже на марксизм, как отражение в кривом зеркале похоже на оригинал.

Конечно, в книге есть и здоровые мысли, но они носят настолько азбучный, прописной характер, что их как-то даже совестно доказывать. Авторы, например, очень пространно, энергично и убедительно доказали, что „нужно всем заниматься в меру, развитие наше должно быть всестороннее: и физическое, и идеологическое и художественно-эстетическое и т. д.“ (Стр. 105). Или „необходимо нашим (?) мужьям немного (?) позаботиться о своих женах, об их развитии, о вовлечении их в общественную работу“. (Стр. 177).

Наш отзыв о книге перерастает размеры, которых она заслуживает. Скажем в двух строках: авторы корявым языком излагают избитые общие места. Там же, где они хотят сказать „новое слово“, они теоретически беспомощны как школьники и сеют вредную путаницу в головах читателей. Тов. Луначарский погрешил перед молодежью, рекомендуя ей эту нестоящую книжонку.

Ипполит

В. ЕРМИЛОВ — Против мещанства и упадочничества. ГИЗ. 1927. 75 стр. Ц. 45 к.

Книжка т. Ермилова посвящена боевым вопросам сегодняшнего дня. Упадочные настроения среди молодежи обсуждаются теперь и в печати, и на диспутах и в кружках и т. д. Появление нового труда в этой области не может быть обойдено молчанием, тем более, если автору есть что сказать.

Книжка т. Ермилова представляет небольшой сборник его статей, уже печатавшихся в разных журналах, в том числе и нашем.

На первом месте из них надо поставить статью «Об упадочных настроениях и интеллигентской фразе». Здесь автор дает жестокий и вполне заслуженный отпор добровольным печальникам и заступникам нашей молодежи т. т. Радеку, Розину и тем, чьи мнения они выражают. Это очень поучительная полемика (см. №№ 13—16 нашего журнала за прошлый год) могла выпасть из памяти читателя и на ней следует остановиться. Тов. Радек выставил в своей статье столь серьезный упрек всей массе советской молодежи, в том числе, конечно, и рабочей, что она «не знает, куда идти». Тов. Ермилов убедительно доказывает ложность этого взгляда и вскрывает его корни: «Очень часто,—говорит он,—самые мрачные, пессимистические оценки тем или иным сторонам нашей действительности даются оппозиционными товарищами не из-за желания видеть то, что есть, а из-за желания видеть то, что *удобно* видеть для построения различных обще-теоретических умозаключений» (стр. 39—40).

Вторая основная мысль тов. Радека («выработка мировоззрения... требует отказа от клеймения всякого сомнения молодежи, от штампования его названием уклона. Об уклонах время будет говорить, когда комсомолец будет стоять на пороге партии») также мало убедительна, как и первая. Комсомольский актив, к которому относится цитированное место, прежде всего, в основном давно переступил «порог» партии и является ее членами или кандидатами. Затем, если «комсомолец—учащийся», то тем более он должен учиться правильно, учиться большевизму, а не дивращающим его «течениям». А «своими фразами о терпимости в отношении уклонов тов. Радек, по сути дела, подготавливает почву для печальной памяти «идеолога» Оссовского» (стр. 43). Подучает по заслугам от т. Ермилова и «популяризатор» идей «доктора Карла Радека»—т. Розин. Борьбу с подобными настроениями, вскрывать их мутные источники—задача вполне умест-

ная и т. Ермиловым хорошо разрешенная.

Несколько иной характер имеют остальные его статьи: «Партийные обыватели»—разбор талантливой повести покойного Фурманова, где он отлично рисует психологический портрет партийца-обывателя—и «Почему мы не любим жищ»—о «приживалках» советской литературы.

Такое сочетание придало книжке неприятный оттенок случайности, разрозненности тем лишила ее цельности и, главное, она не стала отвечать своему заглавию.

В самом деле: поставив себе задачей «обогащать наш арсенал оружия в борьбе против кулацко-изповской идеологии, против мелкобуржуазного мещанства, против упадочничества» (стр. 9) тов. Ермилов оставил не освещенным самое главное, что только и могло быть стержнем книжки: *Что же такое это самое мещанство и упадочничество*, каковы авторские формулировки этих явлений?.. Тов. Ермилов, со страстностью достойной лучшей участи и применения, яростно нападает, например, на Жица, который выступает как «трубадур обнаглевшего... мещанства», и характеризует это самое мещанство как борца, который «ведет бешеную, отчаянную борьбу с пролетариатом, со всей рабоче-крестьянской общественностью за писателей, поэтов» (стр. 24).

Очень сомнительно, что мещанство такой яростный, бешеный, энергичный врат. Эти качества не свойственны мещанству, быту, обывательской психологии одиночек. Мещанство сильно и опасно как раз незаметностью, своей тихостью, серой слякотью своей идеологии, которая моросит как осенний дождик, которая, вернее спускается невидимой, но ощутимой сыростью, туманом.

Повидимому, тов. Ермилов, под «мещанством» разумеет нечто, совсем иное. Точно также совершенно не сформулировано и понятие об упадочных настроениях и в чем их сущность. Автор, искренне, повидимому, желая быть популярным и понятным (каким обязаи быть автор из «библиотеки рабочей молодежи»), в то же время держится все время самых общих мест и определений, и в этом основной грех и недостаток его статей.

Особенно шатко положение автора и отношении упадочничества становится, когда он пытается защитить Есенина и «есенинщину» от такого же фанатичного их защитника—Федора Жица.

«Подлинный друг Есенина был только массовый революционный читатель!» запальчиво утверждает т. Ермилов.

Конечно, это неверно. В беспощадном и блестящем анализе творчества Есенина, данном т. Бухарным, (см. «Злые заметки»), с очевидностью показано, что *другом* Есенина подлинный революционный, да еще *массовый* читатель быть не мог.

А тов. Ермилов истерически вымывает к Жицу:

«Кому же не ясно теперь, когда перед нами весь творческий путь Сергея Есенина, что он, правда, своими особыми путями шел к революции... Кому не ясно?!» (стр. 13).

Повидимому, только Жицу да, еще пожалуй... т. Ермилову, что Есенин не шел к революции и что своей трагической смертью он как раз то и доказал всем, «кому еще не ясно», что в нашей эпохе ему нечего было делать, что Есенин был чужой ей, что он представлял из себя, правда, талантливо почти гениально созданную, яркую фигуру *уподочника*, так сказать—вопло-

щенный символ нового, своеобразного *декаданса* (вырождения).

И поэтому, напрасно т. Ермилов именно *здесь* пытается напасть на Жица—позиции самого т. Ермилова не совсем-то устойчивы.

К врагам т. Ермилов относится свирепо, зато по отношению к друзьям т. Ермилов, наоборот, страшно снисходителен. Например, к тому же С. Малашкину в оценке творчества которого т. Ермилов не находит достаточно восторженных слов, не понимая того, что подобным *закалыванием* беллетриста, написавшего очень посредственную как по форме, так и по содержанию книжку рассказов, критик всегда оказывает медвежью услугу писателю.

В общем итоге, книжечка т. Ермилова побудит читателя серьезнее задуматься над затронутыми вопросами и поискать трудов более солидных и глубоких. А это уж много, и существование книжки оправдано.

П. Николаев

В. ШАТОВ. Хулиганы и хулиганствующие. Виблют. „Комс. Правды“. 1927. 31 стр. Ц. 15 к.

Я. БУГАЙСКИЙ. Хулиганство, как социально-патологическое явление. „Мол. Гв.“ 100 стр. Ц. 25 к.

В последнее время много—и не случайно—говорят о болезненных явлениях среди молодежи и, в частности, об уподочничестве, хулиганстве, есенинщине и т. д. К сожалению, шум, поднятый по этому поводу некоторыми комсомольскими литераторами, ровным счетом ничего не доказывает... Известно, что курица снесшая самое обыкновенное яйцо кудахчет, часто с таким азартом, точно она снесла фордовский автомобиль.

Главная добродетель подобных авторов заключается в том, что они с ученым видом знатока дают советы и указания по предметам, с которым не имеют ни малейшего, даже шалочного, знакомства. Есть авторы, которые, ругаясь чуть ли не сплошными словами по поводу, например, мещанства, хулиганства, нещадно колотят его по мягкому месту, всячески тем не менее, избегают встречи с этим зверем лицом к лицу,—они никогда не потрудятся сказать вслух, что же такое *хулиганство*, в чем его социальное содержание, где его социальные корни и т. д.

Такие общественные явления, как хулиганство, уподочничество, мещанство и друг., имеют свою *социальную* анатомию. Изучать их нужно через *социальный* микроскоп—марксизм—сквозь который видны все клеточки и

ткани общественного организма. Отдельваться здесь общими, ничего не говорящими, фразами не годится. Из-за этого—и в этом нужно прямо сознаться,—многим характерным общественным явлениям, четкого, марксистского определения частенько не дается.

Рецензируемые брошюры роднит то приятное общее, что они только фотографируют хулиганство, не вскрывают его социальной подоплеку.

В брошюре *В. Шатова* мы находим попытку расчленить вопрос о хулиганстве. По мнению автора существуют «хулиганы» и «хулиганствующие». Хулиганы—это рецидивисты—драчуны, насильники, «головорезы», убийцы и т. д., «хулиганствующие»—начинающие озорники, которые не прочь пошутить, поблудничать, с девочкой побаловаться и т. д.

Вся шаткость и несостоятельность такого построения совершенно ясна. Убийца есть убийца, а не хулиган. Такое смешение понятий очень вредно, так как, если по отношению к хулигану социальная профилактика может принести известные плоды, то по отношению к убийце, оформившемуся уголовному преступнику—далеко не всегда, или, во всяком случае, в меньшей степени.

Это ошибочное положение, проходит красной нитью через всю—в общем неплохую—книжку, и порядком ее обесценивает. Написана книжка живым, грамотным языком, сбивающимся иногда на газетный лад. Большое достоинство книги в том, что она считается на комсомольца-середняка, в

ней чувствуется знание союза, знание молодежи—ее интересов, ее быта.

Книжка тов. Бугайского, насыщенная обильным, хотя в значительной степени сырым, материалом, представляет собой интересную и в общем удачную попытку социально-биологического анализа хулиганства. К сожалению, книжка не может представлять интереса для комсомольского читателя, так как и по разрезу темы и по своему изложению рассчитана на специальный круг читателей, преимущественно, медиче-ских работников и юристов.

Написанная в общем живо и довольно убедительно, книжка эта имеет два недостатка: основной, центральной ее

теме—хулиганству, как патологическому явлению отведено сравнительно мало места, социального же анализа, о котором говорится на обложке—в книжке вовсе нет. Вместо него—кусочки из истории хулиганства, кусочки из психологии. Получается нечто вроде доскутного одеяла. Конечно, даже и таким одеялом можно укрываться.

Книжку тов. Бугайского можно рекомендовать только для особо подготовленного читателя, так как она носит характер академической, дипломной работы. К сожалению, знакомству с этой книжкой может помешать явно патологическая цена.

Р. Винтерс

РЕДКОЛЛЕГИЯ: И. Жолдак, Т. Костров, Д. Матвеев, А. Мильчаков,
Д. Ханин и Н. Чаплин.

Ответственный редактор — Д. Ханин.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая пл., 6.

Н О В Ы Е К Н И Г И

СТАЛИН, И.

**РЕЧЬ НА V ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ВЛКСМ 29 марта 1927 г.**

16 стр. Ц. 3 к.

ШАЦКИН, Л.

ИТОГИ ПЛЕНУМОВ КОМИНТЕРНА И КИМ'а

56 стр. Ц. 30 к.

ЧАПЛИН, Н. и БОБРЫШЕВ, И.

В ПОЛОСЕ КУЛЬТУРНИЧЕСТВА

Вопросы политики и культурничества в комсомоле.

112 стр. Ц. 50 к.

ШТЕЙН, И. и ПОТАПОВ, Н.

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Год работы комсомола в новых условиях. Со вступительной статьей
Д. Ханина.

180 стр. Ц. 1 р.

ПЯТЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД РКСМ

11 — 19 октября 1922 г. Стенографический отчет. (Истмол ЦК ВЛКСМ)

384 стр. Ц. 3 р. 25 к.

КОСАРЕВ, А.

**ЗА ЖИВОЕ КОНКРЕТНОЕ РУКОВОДСТВО
В КОМСОМОЛЕ**

104 стр. Ц. 45 к.

**СПУТНИК КОМСОМОЛЬСКОГО ЭКОНОМ-
РАБОТНИКА**

Составили: В. Булах, С. Каплун, В. Нечаев, В. Рогов, С. Розовский,
Г. Шварц. С предисловием и под редакцией Экономкомиссии ЦК ВЛКСМ.

322 стр. Ц. 2 р. 75 к.

ЧИТАЙТЕ МАССОВЫЙ, БОГАТО-ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

„СМЕНА“

Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Журнал выходит под редакцией «Комсомольской Правды»

«СМЕНА» дает художественные рассказы и повести лучших русских и иностранных писателей на наиболее острые бытовые и интересные для молодежи темы.

В живых очерках, дискуссиях и анкетах «СМЕНА» ставит все наиболее жизненные, волнующие молодежь вопросы.

Быту—всему здоровому и больному, новому и интересному в нем—и нашей культуре «СМЕНА» уделяет центральное место.

«СМЕНА» освещает жизнь Европы и Америки как с социально-бытовой стороны, так и в новейших технич. достижениях.

«СМЕНА» следит за научными экспедициями и путешествиями и в живой увлекательной форме показывает на своих страницах наиболее интересные страны мира. Восток, его культура и его революционное движение привлекают особое внимание «СМЕНИ».

«СМЕНА» выходит каждые две недели

В журнале освещаются наше производство, наши достижения, наше строительство, наши богатства и жизнь далеких стран.

Каждый номер «СМЕНИ» имеет художественную красочную обложку и иллюстрации в тексте.

№ 6 — «СМЕНИ»

ГДЕ ПРОХОДИТСЯ ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСАМ ПОЛ И ЗАМУЖЕСТВО

Следующий номер «СМЕНИ» даст много интересного о туризме и экскурсиях. В нем вы найдете описание, практические советы по всем видам экскурсий. На страницах журнала пять подробных маршрутов по Кавказу.

В журнале много интересного о молодежи. Если вы хотите подписаться на журнал,—торопитесь сделать это сейчас.

Подписка на журнал стоит в месяц только 35 к.

КАК ПОДПИСАТЬСЯ МОЖНО:

В ПРОВИНЦИИ:

В отделениях Из-ва и центральных газет и во всех почтовых конторах СССР.

В Гл. изд. отд. Гвардия отд. отделений и у

140/57 ЮН. КОМ. п. в. у. з. Н. Новгород, Н. Набережные Волги, д. 28. Библиотека молодежи. Январь-июнь